

Кира Олис

Рикошет
**Решающая
ИГРА**

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Наследники спецагентов

Кира Оллис

Решающая игра. Рикошет

«Автор»

2026

Оллис К.

Решающая игра. Рикошет / К. Оллис — «Автор»,
2026 — (Наследники спецагентов)

Навсегда покончив с футболом, Доминик ушел с головой в бизнес по производству мотоциклов. Он уже не тот беззаботный парень, что в студенчестве, а серьезный мужчина, поставивший перед собой важную цель. Вот только она оказывается под угрозой, когда банда преступников совершает угон элитных мотоциклов прямо из мотосалона Ника. Новость о задержании дерзкой угонщицы не только запускает череду опасных событий, но и сталкивает Доминика лицом к лицу с прошлым, которое он так и не смог забыть. И на этот раз оно или вернет его к прежней жизни, или разрушит ее до основания. (ХЭ)ДИЛОГИЯ. КНИГА ВТОРАЯ

© Оллис К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Слова автора	5
Пролог "Memento mori"	6
Глава 1 Вашингтон	14
Глава 2 Презентация	19
Глава 3 Остановка дыхания	24
Глава 4 Час расплаты	30
Глава 5 Погоня	35
Глава 6 Взрыв из прошлого	40
Глава 7 Сделка	48
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Решающая игра. Рикошет

*Рикошет в футболе – это случайное
изменение
траектории полета мяча после
соприкосновения
с игроком, вратарем или другим
объектом.
Это момент, когда удар приобретает
непредсказуемость, а исход эпизода
зависит
от доли везения и реакции игроков.*

Слова автора

Мои любимые читатели! Вы открыли вторую книгу дилогии, поэтому очень вас прошу, если вы еще не читали первую ("Решающая игра"), не перелистывайте страницу! А если уже читали, то хочу сказать вам главное: спасибо огромное за то, что остаетесь со мной и с героями. Желаю вам увлекательного чтения и море эмоций! Ну а теперь устраивайтесь поудобнее и отправляйтесь в это долгожданное путешествие! Люблю вас!

Пролог "Memento mori"

Один год спустя

Доминик

«Ее нашли», – два слова, которые должны вселять надежду, убили меня на месте. Я все понял по сочувствующей интонации частного детектива Пабло еще до уточнения о том, что ее нашли... в реке Бесос.

Разгоняюсь до немыслимой скорости, уничтожающей характерную вибрацию мотоцикла подо мной. Свет фар от встречной машины напоминает о том, что чужая жизнь течет по-прежнему. В отличие от моей, зависшей в земном чистилище. Вроде бы те же улицы, те же дороги, но другой я, не способный воспринимать мир таким, каким он казался раньше. Все вдруг стало пустым, неважным, лишенным ценности и прежнего смысла.

Пальцы впиваются в грипсы, но я не чувствую их онемевшей кожей.

Свист февральского ветра ни черта не помогает унять грохот крови в голове.

Кэти больше нет. Нет. Нет. Нет...

Это слово долбит в такт с ритмом моего подышающего сердца.

Прибавляю скорость, как только выезжаю на заброшенную дорогу, которую иногда обкачивают байкеры «Турбо». Но сейчас ночь. Здесь никого нет, и никто не помешает почувствовать Китти хотя бы так. Она любила соревноваться со скоростью, и с некоторых пор я здесь тоже частый гость.

Контур полуразрушенных строений мелькают и мелькают по сторонам, постепенно выстраиваясь в сплошной размытый мазок.

Первый поворот.

Сбрасываю газ, выжимаю сцепление, и с переключением скорости мотор взрывается рыком, проталкивая в мысли образы сегодняшнего проклятого вечера. Предыдущие вечера, дни и ночи последнего года также были моим проклятием, но я хотя бы жил надеждой. Теперь не стало и ее. Все было зря.

— Пока не увижу тело, не поверю! — выпалил я в лицо детективу, ворвавшись в его контору. Он даже не возмущился осыпавшимся кускам краски из-за удара двери о стену.

Пабло спокойно поднялся с кресла и, встав напротив, мрачно спросил:

— Ты уверен, что готов его увидеть?

Нет. Я не был готов. К такому нельзя быть готовым.

Я ждал.

Я верил.

Я искал ее все это время.

Выравниваю байк, даже не стараясь объезжать выбоины и кочки в дороге. Эта тряска немного смазывает образы, прочно отпечатанные в памяти, но я не хочу избавляться от них полностью. Непрерывный просмотр изображений, показанных детективом, наоборот, подпитывает мои внутренние силы. Так уж вышло, что понятие силы в моем случае теперь подменилось понятием «жажда мести».

— Ее труп пробыл в воде слишком долго, Доминик. И я сейчас не только о естественном гнилостном процессе, но и о речной живности. — Откашлявшись, детектив пододвинул ко мне фотографии, от которых сам отвел взгляд, а я не мог.

Вглядывался в обглоданное рыбами месиво, покрытое водорослями и грязью, и отрицал, казалось бы, очевидное. Останки мертвого человека не вызывали страха и дрожи. Всем своим существом я отказывался принимать, что они принадлежали Каталине.

— Где доказательства, что это она? — упорно не верил я, перекладывая снимки.

На одном запечатлены грязные лоскуты ткани, не позволяющие определить их первоначальный цвет. На другом – проржавевший, покрытый илом мотоцикл. Согласно изложенным фактам, женское тело было придавлено им ко дну.

— Я не стал бы сообщать, не убедившись, Доминик. Сведения о ней нашлись в полицейском участке Сант-Марти. Тело Каталины обнаружили два месяца назад, но из-за отсутствия...

— Два месяца?! — процедил я, злобно смяв фотографии.

— Дослушай, пожалуйста, — остепенил меня он. — Участок в другом округе Барселоны. Они внесли в базу результаты судебно-медицинской экспертизы, но внешнее состояние трупа не позволило идентифицировать его с без вести пропавшими. Под описание подходило слишком много людей: примерный рост, вес, возраст, время пребывания в воде. Я наткнулся на эти материалы на днях, и то зацепился только за найденный с ней мотоцикл.

— Что с ним?

— По номерам нашли владельца. Его заявление об угоне было зарегистрировано в дату пропажи Каталины и ее брата.

Подскокивший пульс начал бить в шею чаще, жестче, сильнее. Но я продолжал сопротивляться:

— Это не аргумент.

— Доминик... — вздохнул он. — Я связался с ним и показал ему фото Каталины. Он подтвердил, что именно она с мальчиком села на его мотоцикл недалеко от участка, где давала показания.

Мне стало холодно.

— Где сейчас тело? Нужно провести ДНК-анализ.

— Оно кремировано как неопознанное месяц назад.

— Черт бы тебя побрал! — не сдержал я гнева. — Почему ты не нашел ее раньше?

— От этого она не стала бы живее, Доминик. Мне жаль. И ее, и тебя, но пора смириться и жить дальше.

Пабло понятия не имел, о чем просил, а я молчал, скрипя зубами.

— Прошло больше года... — взывал детектив к моему разуму. — Если бы Каталина была жива, то давно пришла бы к тебе!

Я до последнего надеялся, что она просто не могла этого сделать. Физически не могла.

Заказчик убийства ее семьи – Назарио Кастильо, в этом я не сомневался, а если верить подпольным отчетам, нельзя было исключать и такие версии, как плен и продажа в рабство. Пока этот урод ходил по земле, он оставался тем, кто мог привести к Каталине. Но я так и не нашел ни единого следа ни сам, ни с помощью проплаченных спецов. К отцу я обращаться не стал, не желая вовлекать членов семьи к рытью ямы для шайки Кастильо. Меньше всего мне хотелось, чтобы в эту яму угодили еще и они. Поэтому решил справляться своими силами. Точнее, в меру своих сил, поскольку я – не суперагент из голливудского блокбастера.

Гул мотора прорывается сквозь плотный слой дьявольского отчаяния. Вхожу в следующий поворот на скорости и едва не цепляю асфальт коленом. Короткая вспышка, напоминающая тень прежней жизни, вламывается в мой рассудок, и я представляю, что сейчас мне снова двадцать один. Что я только что приехал в «Турбо» за Альбой. И что прямо сейчас меня преследует Каталина, мастерски обгоняя остальных участников.

Я почти вижу горящие бочки впереди.

Почти слышу крики толпы.

Почти чувствую дыхание моей упрямой Кэти, но оно ослабевает с набором скорости. Нет, не уходит...

— Из ребра слева извлекли пулю. Судя по всему, из-за ранения девушка потеряла управление и вылетела с дороги, — добивал Пабло, пока я погружался в чернеющие мысли.

Ненависть загрязняла их, вытесняя собой остатки света, который я берег ради Каталины. За который цеплялся эти бесконечные месяцы.

— Тело мальчика, подходящего под наши параметры, я пока не нашел, но Бесос впадает в море, Доминик. Боюсь, дело гиблое. Извини, я сделал все, что мог.

Жаль, никогда не заявлю ничего подобного. Что бы я ни делал, никогда не дойду до точки «все, что мог», потому что «все» относилось к той кареглазой девушке, которая больше никогда не подковырнет меня сравнением с Октавио и не приготовит запоминающийся ужин – очередной повод для веселья. А я так и не обрадую Кэти тем, что припас для нее сто пар носков под любое настроение.

Я не смог защитить Каталину, хотя знал о возможной угрозе.

Я даже похоронить ее не смог.

— Остался последний снимок. — Пабло кивнул на бумаги, сминаемые моими пальцами, и я убрал верхнее фото.

От увиденного в глазах замелькали кровавые точки. Кислород, которым я дышал до этого момента, окончательно исчез из воздуха вместе с ошметками веры. Веры в то, что это – не Кэти.

Свет тоже погас и снаружи, и внутри. Его отблески догорали на металле золотого браслета в форме согнутого гвоздя. Мой рождественский подарок лежал на снимке рядом с извлеченной пулей.

Пулей... Они убили ее.

За что, сука? За что?

Мигающий индикатор уровня бензина притягивает мой нечеткий взгляд вниз, и я перевожу его на левое запястье. Туда, где на кожаном браслете выгравированы буквы «D» и «K».

— Как тебя зовут? — спросил я тогда на пляже.

— Так вот в чем дело! Ты имяфоб? Допустим, Жозефина. Или Хуанита. Которой из них ты не отказал бы в помощи? — съязвила Китти, задрав подбородок.

Я скучаю по ней. До боли в костях. До жжения в груди. До оглушающих незнакомых звуков, раздирающих глотку. Отпустить ее оказалось сложнее, чем ждать.

Кто-то считает, что мы встречались мало – всего-то месяца четыре. Но они заблуждаются. Я пробыл в отношениях с Китти полтора года, пусть большая часть срока и прошла в разлуке.

От внезапного удара байк слегка заносит, но я ловлю себя на том, что не хочу сбрасывать газ. Дорога закончилась, и колеса коснулись бетонной площадки, изрезанной длинными трещинами. Вдалеке виднеется красная кирпичная стена с иллюзорной надписью «Финиш», и я решительно устремляюсь вперед.

Почему-то отчетливо различаю стоящего перед ней Назарио Кастильо. Урод ждет, пока мои ненавидящие глаза пропаливают на его насмешливой роже сквозные дыры, похожие на прожоги от кубинских сигар Gigante¹. Он предпочитает именно такие, узнавал.

Секунды замедляются, разрывая реальность на прошлое и будущее, а скорость увеличивается. Жар двигателя продирается под кожу, воспламеняя каждое нервное окончание. Наклоняюсь ниже, преодолевая сопротивление воздуха, и вместе с мощными потоками ветра впускаю в себя тьму. Горько-соленую на вкус, но такую необходимую.

Сто пятьдесят, сто восемьдесят, двести десять, двести шестьдесят... Разгон достигает убийственных значений, искушая меня прекратить все здесь и сейчас. Но я не стану. Мой финиш не здесь.

Эмма внушала Каталине, что нужно помнить о жизни, а для меня в эти короткие секунды нет ничего слаще мыслей о смерти. Смерти конкретных людей.

¹ Сигара Gigante — это популярный крупный формат ручной скрутки.

Эта сладость ощутимо притупляет горечь от потери, и с каждым оставленным за спиной метром в меня пробирается новое мощное чувство. Такой силы, что я ощущаю его и в себе, и вокруг себя. Повсюду. Оно окутывает со всех сторон защитным барьером, делая меня неуязвимым, и это ощущение нравится мне все больше и больше.

До стены остается ничтожное расстояние, и мой воинственный протяжный крик сливается с визгом тормозов, рассекающим вечернюю тишину.

После резкого поворота останавливаю байк и, переведя дыхание, ставлю одну ногу на землю. За подобные опасные номера прошлый я настучал бы нынешнему мне по башке, но ключевое слово здесь: «бы». Того меня больше нет.

Запрокинув голову, всматриваюсь в темное небо. Оно обложено серыми облаками точно так же, как я сейчас – своим невидимым барьером. Где-то там есть и звезды, и луна, и солнце, но в данный момент они не нужны.

Дорога во тьму не предполагает света.

Три месяца спустя

— Me-men-to mo-gi, — проникает мне в ухо незнакомым женским голосом.

Нетрезвый рассудок еще не соображает, кто это, зато рука на автомате перехватывает тонкое запястье, как только чужие пальцы касаются моей татуировки под правой ключицей.

Распахиваю глаза, встречаясь с напуганными голубыми. Крашеная блондинка с искусственными волосами пытается принять соблазнительный вид, вращая при этом покрасневшей кистью. Я причинил ей боль, но она терпит. Угрызений совести не испытываю. Работа у шлюх такая – терпеть.

— Я всего лишь хотела посмотреть, извини, — мямлит она, поднимая во мне волну раздражения.

— Свободна, — бросаю я, не желая слушать о причинах ее порывов.

Блондинка обиженно надувает губы:

— Так сразу?

— Хотя нет. Сначала подай сигареты.

Девушка исполняет приказ, вручая мне начатую пачку, и я закурываю прямо в постели. Выдыхаю горький дым в потолок, наблюдая, как он рассеивается в душном пространстве. Голова трещит после вчерашней вечеринки, но эта долбящая боль приносит хоть какое-то разнообразие в пустоту, сводящую с ума.

— У тебя телефон разрывался все утро, — доносится до меня.

Недовольно покосившись на проститутку, услужливо предоставленную стариной Хьюго, затягиваюсь глубже. Она свалит, нет?

Через пять минут бесконечных шуршаний и сборов ночная гостья наконец прощается и, пробубнив под нос: «Ублюдок», ковыляет к двери. Провожая ее спину мутным взглядом, безуспешно припоминая, хромала ли она ночью. Хотя тоже плевать.

Не обнаружив поблизости пепельницы, тушу окурочку прямо об изголовье и кладу обугленный фильтр на тумбочку. Осматриваюсь с нездоровым равнодушием, оценивая непрезентабельную обстановку в спальне съемной квартиры, и в памяти всплывает осуждающее лицо отца, а потом матери и Альбы.

Они заявлялись ко мне по очереди, как к безнадежному больному в хоспис. На этом этапе своей жизни я не хотел видеть никого из них. Я и к деду перестал навещать после одного малопривлекательного срыва. Мудрец Октавио – сторонник разумных действий и несуществующего правосудия. Он – призрак моей совести, которую я засыпал землей вместе с браслетом Каталины на нашем холме.

Родители тоже считают, что я слетел с катушек, занимаюсь саморазрушением и не понимаю, что творю. К их сожалению, понимаю. Как бы противоречиво это ни звучало, мне нужна эта переломная передышка, как раз чтобы не сломаться. И то, что для них – саморазрушение, для меня, – путь к власти над эмоциями и чувствами. Они – мои незримые помехи к новой цели.

Откидываю одеяло и, натянув вчерашние трусы, встаю с кровати. В этот же момент раздается три громких стука по дереву, и я нехотя поворачиваюсь на звук, посчитав, что блонди что-то забыла. Но это не она.

Хмурый Киллан во всем черном заполняет половину дверного проема, прислонившись к косяку. Не хватает плаща с капюшоном и косы – сошел бы за Жнеца смерти². Прожигая меня осуждением, он выдает с усмешкой:

— Привет, дружище. Или как к тебе теперь обращаться? Папа Смурф³?

Неприветливо ухмыляюсь, догадавшись, какого черта лучший друг прилетел с другого континента. Родители решили действовать через него.

— Почему Папа Смурф? Такой же бородатый?

— Такой же синий.

Года полтора назад я бы вместе с ним поржал над его токсичными шутками, а сейчас мне снова... плевать. И это радует, пусть и не выражается улыбкой на лице. Обойдись молчанием, подбираю мягкие штаны с пола и влезаю в них без намека на брезгливость. С недавних пор мой режим работы не требует глаженных пиджачков и брюк со стрелками.

Размахивая остатки сигаретного дыма, Килл подходит к окну и распахивает его настежь.

— Если бы я не видел тебя стоящим на ногах, решил бы, что ты начал разлагаться, — продолжает юморить Кроу и, подперев бедром подоконник, бросает скептический взгляд на мой подбородок: — Ты бы хоть пепел с бороды стряхнул, Смурф.

Игнорируя неугомонного друга, выхожу из спальни и направляюсь в сторону душевой комнаты, слыша за спиной его шаги.

— Килл, извини, мне сейчас не до гостей, — выпроваживаю Киллана, не оборачиваясь, но закрыть за собой дверь не получается, так как он дергает ее на себя.

Лениво приподнимаю бровь, складывая руки на груди:

— Я уединиться могу, или как?

— Или как.

То ли я не успел проснуться, чтобы трезво оценить настрой Килла, то ли я не до конца протрезвел для такого энергозатратного мыслительного процесса, но через мгновение лицо друга багровеет, а затем он отводит руку, и его кулак летит в мою скулу. Непроизвольно отшатываюсь, ощутив вкус металла во рту, и это действует как спичка, брошенная в керосин: бушующее пламя разгорается мгновенно. Ему без разницы, кого сжигать своим огнем. Вот и мне сейчас похрен, кто попадет под раздачу. Киллан так Киллан.

Разозленный друг, сбросивший маску язвительной учтивости, быстро шагает вперед, готовясь нанести следующий удар, и на этот раз я опережаю, вгоняя кулак в его ребра. Мы начинаем бороться, сшибая спинами все, что попадает на пути в тесном помещении.

— Придурок! Какой же ты придурок! — разоряется Килл в паузах между взаимными тумаками. — Хорошо, что она не видит, в кого ты превращаешься!

Злорадно кривлю рот при виде крови из носа Киллана. Тот делает неожиданную подсечку, и в результате я задеваю спиной стеклянную перегородку. Ощущения не очень: как

² Жнец смерти – это мифологический образ смерти в западной культуре, олицетворяющий переход между жизнью и небытием. Традиционно изображается как скелет в черном балахоне с капюшоном, держащий в руках большую косу.

³ Папа Смурф – один из главных героев в комиксах, мультсериалах и фильмах про Смурфиков. Это синий карлик, который имеет длинные белые усы и бороду.

скальпелем по хребту. Но меня бодрит эта потасовка. Кидаюсь на друга, хватая за грудки, с разворота припечатываю к кафельной стене и придавливаю шею предплечьем.

— У-у, какой ты страстный, Смурф, — стебется Килл с хрипами, намекая на нашу позу, чем дико бесит.

— Ты сам начал прелюдию, — цежу я сквозь зубы, усиливая нажим на кадык. — Сдавайся и вали отсюда. И передай моим, что со мной все в порядке. Я в норме!

Киллан внезапно выдергивает шланг, отрывая его от ручной душевой лейки, и несколько раз обматывает вокруг моей шеи. Сильно обматывает, от души. Начинаю задыхаться от удушки и отпускаю Кроу, чтобы освободиться самому.

— Сдаваться – это по твоей части, разве нет? — издевается Килл, похоже, решив меня добить.

Он сцепляет пальцы на витках шланга, не давая мне продохнуть, и, взглянув влево, усмехается. До меня мгновенно доходит, какая идея пришла ему в голову, но дотянуться до говнюка не удастся. Малейшее дерганье отзывается резью в горле, вымучивающем хрипение вместо отборного мата. Свободной ладонью Киллан сгребает бритвенный станок с полки и, не дав опомниться, быстрым движением рассекает пространство вдоль моей щеки.

А нет, не пространство. Кожу будто огнем опалили. Он ее хотя бы сохранил или срезал вместе с пластом двухмесячной щетины?

Друг угрожающе выставляет станок перед моим лицом. Дышит, как бойцовый бык, но не произносит ни слова. Ему и не надо. Вся рвущаяся из него ругань отражается в глазах, налитых кровью.

Проходит секунда, две, три, и меня начинает так смешить происходящее, что не выдерживаю и взрываюсь сипящим хохотом, насколько дает «ошейник» из шланга. Глаза непроизвольно закрываются, поэтому не сразу понимаю, когда шея оказывается на свободе. Меня больше никто не держит. Улавливаю только тень сбоку, и после щелчка включается потолочный душ. Ледяная вода поливает сверху, отрезвляюще хлещет по голове и плечам. Намокшие волосы удлиняются, наползая на лоб, и смех прекращается, трансформируясь в тяжелое дыхание.

Открываю глаза и вижу, что Киллан ушел. Уверен, не из квартиры. Он не отчалит, пока не добьется цели приезда.

На место мнимого веселья приходит опустошение. Поворачиваю лицо к зеркалу и тут же отворачиваюсь, встретившись со своим паршивым отражением впервые с того дня.

«Хорошо, что она не видит, в кого ты превращаешься».

Этимися словами Киллан попал в точку. Отвращение к себе накрывает вместе с холодом воды, но я не двигаюсь, позволив струям омыwać мое омертвевшее тело. Потяжелевшие штаны скатываются по ногам, и я стряхиваю их, испытав отвращение и к ним тоже.

«Сдаваться – это по твоей части».

Киллан ошибается. Я не сдался.

Я просто малость устал...

Спустя полчаса покидаю ванную, обмотав полотенце вокруг бедер. В нос врывается запах обжаренных кофейных зерен, а потом замечаю и вашингтонского «баристу», увлеченного видеозвонком с Адрианой. Увидев меня через экран, Адри расплывается в счастливой улыбке и машет ладонью.

— Ник! Как дела? Ты отрастил волосы? И что со щекой? Ты поранился?

Судя по всему, Килл не доложил ей о крутых поворотах моей жизни, как я и просил. Про «пылку» сцену в ванной она тоже вряд ли знает, иначе не удивлялась бы пластырем на щеке. И да, я побрился. То есть добрил то, что начал Кроу.

Охрнительная встреча двух друзей...

Взмахиваю ладонью в ответ и, проигнорировав вопросы Адрианы, обхожу друга, чтобы добраться до воды. У меня нет настроения на увеселительные разговоры.

Ревнивец Киллан ожидаемо отворачивает телефон от меня и, пообещав своей девушке перезвонить позже, отключается. Пока я утоляю жажду спешными глотками, Килл выгружает кружки с кофе на барную стойку и открывает холодильник в поисках еды. Он так долго в него глазееет, словно не знает, из чего выбрать. На самом деле там пусто.

Кроу раздраженно захлопывает дверцу и садится на стул. Обнаружив на дне стеклянной миски обломок крекера, сдувает с него невидимую пыль и молчком закидывает в рот.

— Как ты, вообще, попал в квартиру? — спрашиваю я.

— Меня впустила хромоногая жрица любви. У тебя новый фетиш?

Оставив без ответа очередной дебильный выпад, ставлю стакан на стол с громким стуком и интересуюсь:

— Зачем ты здесь? Только не говори, что соскучился.

Килл непринужденно отхлебывает кофе и озаряет меня мрачной ухмылкой:

— Именно это я и хотел сказать. Думал, мои обнимашки дали это понять без слов.

— Оставь свои игрища для Адри, — хмыкаю я первый раз за... за сотни дней и, сев напротив, берусь за дымящийся напиток.

— Тебе нужна была встряска. Скажи ведь, полегчало?

— Очень благородно с твоей стороны подставлять нос ради моей встряски.

— Если нужно, я и почку отдам. Одна запасная. — Друг улыбается одним уголком рта и, вынув из ноздри комок салфетки, пропитанный кровью, швыряет его в раковину.

Морщусь от этой картины.

— У меня есть мусорное ведро.

— Если ты не заметил, вся твоя квартира – теперь сплошное мусорное ведро.

— Ха. Ха. Ха, — иронизирую я с расстановкой и делаю глоток кофе, обжигая горло.

Наконец посерьезнев, Килл озвучивает главную причину приезда:

— Я не собираюсь промывать тебе мозги и отчитывать за пьянки. Слова не скажу про твой дебош в ночном клубе, засветившийся даже в светских хрониках Штатов. Кстати, цыпочки с тобой были зачетные.

Закатываю глаза, вспоминая об упомянутом вечере. Вернее, об одном из. После окончания универа Хьюго открыл ночной клуб премиум-класса, и я счел данное злачное место подходящим для временного забытья. Это казалось идеальным прощанием с собой прежним, потому что прежний высокоморальный Доминик ни при каком раскладе не сможет воплотить задуманное.

— А теперь перейдем к серьезным вещам. — Передо мной со шлепком приземляется папка, в которой я узнаю собственный бизнес-проект, связанный с производством и сбытом автозапчастей. Я защищал его в Школе бизнеса во время учебы в Вашингтоне.

— Да ну? Ты перелетел через океан, чтобы поностальгировать по студенческим временам?

На лице Киллана не оживает ни один мускул:

— Мне понравилась твоя идея еще тогда. Так что если ты не спустил все сбережения на шлюх и бухло, предлагаю заняться делом. Я в доле.

Переворачиваю первый лист, и мои глаза впиваются в написанные мной тезисы. И дело не в том, что я забыл, над чем работал, а в том, что меня осеняет мысль, которой так не хватало все это время. Задумчиво постукивая указательными пальцами по столу, откидываюсь на короткую спинку барного стула и думаю, думаю, думаю... Практически слышу скрежет шестеренок в голове.

— Пора что-то менять, согласен? — подгоняет друг, не представляя, какую услугу оказал своим приездом.

- Ты прав. Пора, — киваю я, опять потянувшись к кружке с остывшим кофе, и добавляю: — Только мы усовершенствуем этот проект.
- Предлагай.
- Мы будем производить не запчасти, а мотоциклы.

Глава 1 Вашингтон

Два года спустя

Доминик

— Кнопка, давай договоримся, — упрасываю я пятимесячного чертенка, сидящего в высоком стуле для кормления. — Ты съешь это зеленое нечто, а я, так и быть, спою про твоего любимого старика Макдональда⁴.

На имени фермера в синих глазах вспыхивает огонек, и маленький рот с двумя передними зубами послушно приоткрывается, принимая ложку с пюре из брокколи блевотного цвета.

Только собираюсь расплатиться мычанием и кваканьем из детской песни, которая так нравится Кнопке, как она начинает дребезжать губами, разбрызгивая несъеденное. Несколько капель попадает на меня, и мой «запятнанный» вид, похоже, веселит ее похлеще пародий на фермерскую живность. На пухлых щечках появляются ямочки, намекающие на улыбку, но вместо смеха комнату наполняют напевы на детском языке.

Реакция малышки заставляет сделать редкую вещь: улыбнуться. Кривлюсь, слизнув противную каплю пюре с губы, и это действие порождает мелодичные визги с бурными взмахами руками. Накормить этого крошечного человека сложнее, чем разобрать и собрать мотоцикл.

— Знаешь, я с тобой солидарен. Это отборная дрянь.

— Ник, не выражайся при ребенке, — раздается сбоку голос Валенсии, оккупировавшей диван в гостиной с ноутбуком на коленях. — И брокколи очень полезно.

— Ты сама пробовала это дерь... Эту еду? — исправляюсь я, вовремя услышав покашливание Ленси. Зачерпываю густое зелье из банки и с наигранной угрозойставляю ложку в ее сторону: — Ну-ка, открывай рот.

Засмеявшись, она поправляет очки в черной оправе на переносице и разводит руками:

— Я пас. Тебе дали задание накормить ее, а не меня. Вот и корми.

— Как личная помощница, могла бы и помочь.

— А я и помогаю. Если бы Лиану кормила я, ты бы не улыбался, а отправился выкуривать очередную сигарету. Считаю, оказываю пассивную помощь. Скоро у тебя совсем атрофируются мышцы лица, отвечающие за проявление позитивных эмоций.

Отворачиваюсь, не опровергая ее слова. Нравоучения Валенсии для меня не новость. Как и многие другие, она не оставляет надежд увидеть ту праздничную версию, которой я был в студенчестве. Но это хорошо, что нынешняя ее не привлекает, так как те безответные чувства испарились сами по себе, без усилий с моей стороны. Это и позволило взять Ленси к себе на работу, когда она столкнулась с большими трудностями. Теперь нас вполне можно назвать друзьями, несмотря на короткую связь в прошлом и вопреки моему прежнему неверию в дружбу между мужчиной и женщиной.

Она – хороший человек, отличный юрист и по совместительству офис-менеджер в нашей с Киллом компании «KingDom», и, что немаловажно, я могу на нее положиться. Не во всем, но во многом. В частности, в том, что касается бумажной волокиты и организационных мероприятий.

А еще у Валенсии уже год как есть постоянный мужик, и это не может не радовать. У них с Фернандо недавно состоялась помолвка, заклеянная кольцом с розовым бриллиантом. С некоторых пор я начал разбираться и в этих камнях, правда, в других целях.

⁴ «Old MacDonald Had a Farm» - знаменитая детская песня о фермере Макдональде с перечислением названий домашних животных на английском языке и звуками, которые эти животные издают.

Возвращаюсь к попытке накормить крестницу, и этот заход оказывается удачным. Ли жует, отвлекшись на прорезыватель в своих ладошках, и я этим успешно пользуюсь.

— Кто молодец? — Победно потираю ладонями, как только банка пустеет. — Мы с тобой молодцы, Кнопка!

От моей похвалы Лиана снова довольно агукает, и я вынимаю ее из стула, чтобы перебазировать в манеж.

— Дррр, — тарыхтит она, слюнявя мою щеку, и пару раз заряжает резиновой игрушкой по глазу.

— До-ми-ник, — учу я по слогам и получаю в ответ:

— Ди-ди-ди.

— Почти.

— Тебе идет, — произносит Ленси, встав рядом со мной возле манежа. — Татуированный мужественный красавец с малышом на руках выглядит как икона, перед которой хочется молиться. Подумай об этом.

— Ты стала набожной? — усмехаюсь я. — Не преувеличивай, у меня всего одно тату. И когда ты его видела?

— На снимке из городского бассейна, сделанном одной из твоих прошлых фанаток-папарацци. Он до сих пор гуляет по соцсетям.

— Какая честь.

Валенсия скрещивает руки на груди, наблюдая, как Ли молотит по клавишам детского пианино.

— Я всего лишь напоминаю об упускаемых возможностях. Из тебя получился бы замечательный отец.

Пальцы вжимаются в борт манежа, и мой взгляд находит на левом запястье два браслета, подаренные Каталиной. Не было ни дня за три с половиной года, чтобы я не вспоминал о ней.

— У меня не будет детей, — возражаю твердо.

— Почему так категорично?

— Потому что их должна родить любимая женщина.

— Откуда ей взяться, если у тебя здесь замок? — Валенсия указывает пальцем на область моего сердца, ступая на запретную территорию. — Открой его для начала.

— Ключ от него потерялся, Ленси. Больше не обсуждается. Лучше про себя расскажи. Фернандо не бушевал из-за того, что тебе пришлось задержаться в Штатах?

— Вечно ты переводишь стрелки! — возмущается Нельсон, следуя за мной к дивану.

Плюхнувшись на него, перекладываю рабочий ноутбук к себе на колени и проверяю, кому Ленси успела отправить коммерческие предложения.

— Нандо, конечно, ревнует к тебе, но на этот раз отреагировал нормально. И на то есть причины, — загадочный тон в последней фразе вынуждает перевести взгляд от экрана к Валенсии.

— Я не готовила речь, и она наверняка будет не такой достойной, какой должна быть, — начинает Ленси, с заметным волнением вытягивая из сумки связку ключей. — Доминик, я тебе бесконечно благодарна за все, что ты для меня сделал. В первую очередь, за то, что разрешил столько времени жить в твоей квартире.

— Брось, она все равно пустовала.

— Неважно. Ты единственный, кто от меня не отвернулся после скандала с махинациями отца. Если бы не ты, мне пришлось бы отправиться в Англию к матери на поклон. Ты оплатил последний год моего обучения и взял в свою компанию. Ты...

— Ленс, перестань, — прерываю я, сжимая ее запястье в знак поддержки. — У меня сейчас разовьется аллергия на слово «ты». Все, что было сделано, — это по дружбе, а не из чувства долга.

Нельсон тихо вздыхает и освещает меня милой улыбкой, от которой плывут клиенты:

— О таком потрясающем друге я и мечтать не могла. Если тебе когда-нибудь понадобится помощь, только попроси. Я сделаю все.

— Я просил о помощи пятнадцать минут назад, когда кормил Ли, и ты отказала, — подкалываю я, рассмешив этим Ленси:

— Ладно, это исключение. Куда деваться, если улыбка на твоём лице появляется только при общении с крестницей.

— Так к чему ты вела свою душещипательную речь? — меняю я тему, не испытывая ни малейшего желания обсуждать с кем-либо свои мысли и чувства. Так проще мне самому. Возможно, эгоистично, но правильное для моего рассудка.

Валенсия широко улыбается и сообщает:

— Благодаря своему щедрому начальству я купила приличное жилье. На днях мы с Фернандо перевезли туда все вещи, поэтому вот. — Она вручает ключи и оставляет на моей щеке невесомый поцелуй: — Спасибо тебе, Ник.

— Пожалуйста. И поздравляю.

— Может, улыбнешься?

— Я сделал это только что.

Или нет?

Нельсон закатывает глаза и, закинув ногу на ногу, сцепляет пальцы на колене.

— Малышка Ли — точно не твоя дочь? Адриана говорила, что по возрасту ей уже положено улыбаться, но по необъяснимым причинам этого не происходит.

— Не вздумай ляпнуть это при Киллане даже в шутку. И Лиана улыбается, сам видел.

— А они — нет.

— Их проблемы. — Убрав ключи на столик, переключаюсь на личную электронную почту в поисках важного подтверждения.

— Что будешь делать с освободившейся квартирой?

— Не я, а ты.

— Почему я?

— Потому что займешься ее продажей. Она мне не нужна.

— Серьезно? Сейчас кризис на рынке недвижимости. Ее возьмут за бесценок.

— Значит, продай позже. Мне все равно, Ленс.

Не обнаружив во входящих желаемого, захопываю крышку ноутбука, и в этот же момент открывается входная дверь. Килл и Адри шепчутся, наверное, думая, что их дочка уже спит.

Перевожу глаза на манеж и вижу, что Ли и вправду уснула на животе в позе эмбриона. Охренеть. Это плохо, поскольку грозит пожизненным клеймом: «лучший крестный в мире». А как поступают с лучшими крестными? Доверяют им своих детей во время рабочих поездок в Штаты. Нет, я люблю Лиану, но проблема в том, что у меня слишком ограниченные ресурсы на нежности, и мне бы не хотелось делиться с этим ребенком своим негативом.

И я не кретин, чтобы не понимать причин, по которым меня просят проводить время с Ли, пытаясь пробудить во мне открытого парня-весельчака. Как прежде, уже не будет. Это не плохо и не хорошо, просто факт.

— Ник! — взвизгивает Адри шепотом и, округлив глаза, склоняется над манежем. — Ты — лучший...

— Не продолжай, — останавливаю я ладонью. — Это случайность. Как в кино сходили?

— Паршиво, — угрюмо отрезает Киллан и присоединяется к своей жене.

Забавная картина. Особенно забавляет, как меняется поведение Килла вблизи дочери. В лучшую сторону.

— Кстати, Ли улыбалась, — нарочно цепляю друга, зная, как он сейчас взбесится.

Если бы Килл умел метать молнии, их целью стал бы я. На что только не пойдешь ради собственной антирекламы. Он больше ни на минуту не оставит нас вдвоем с Лианой. По его мнению, все ее первые успехи должны происходить у него на глазах и никак иначе. И это здорово.

— Если ты врешь, я тебя прикончу, — кидает он нестрашную угрозу.

— Однажды у тебя был шанс, и ты им не воспользовался.

— Уже жалею.

Пока мы препираемся, Адриана стреляет в нас затыкающим взглядом и забирает спящую дочку, чтобы перенести ее в кроватку.

Достаю пачку сигарет из дорожной сумки и, вытянув одну губами, зову Килла на балкон. Тот плотно закрывает за собой дверь и указывает рукой в направлении, противоположном окну их спальни:

— Дыми в ту сторону. И тебе не пора бросить? Никотин для фридайвера – все равно что асфальт для конькобежца.

Проглотив усмешку, опираюсь локтями на высокий парапет и чиркаю зажигалкой. Затягиваюсь. Теплый июньский воздух с примесью терпкого табака проникает в легкие, а потом этот же воздух разрезается струей выдыхаемого дыма. Дурной ритуал, временно восполняющий пустоту в грудной клетке. Ну как временно... Уже несколько лет. Сейчас я курю реже, чем раньше, но пока не готов отказаться от этой пагубной видимости удовольствия. Как ни парадоксально, подводное плавание дарит схожие ощущения, но в апартаментах Килла и Адри нет бассейна, так что придется чуток потерпеть.

Киллан пристраивается рядом, отражая мою позу, и упирает взгляд в бесконечные огни вечернего Вашингтона.

— Что не так с кино? — интересуюсь я.

— С кино все нормально, а вот Дэниел достал. Сначала его не устроила свежесть попкорна, затем он попросил администратора пересадить их с Николь, так как кресло под его аристократическим задом скрипело. И это посреди фильма. Ресторан после сеанса мы выбирали почти час, потому что, по его мнению, везде антисанитария. Какого черта Николь потащила его с нами? — Килл завершает свои излияния глубоким выдохом, развеивающим сигаретный дым, выпущенный из моего рта.

Ни капли не удивляюсь манерам Дэниела. Никки частенько на него жалуется, но я не лезу в ее жизнь, заняв позицию терпеливого слушателя.

Страхиваю пепел в импровизированную пепельницу в виде пустой банки от детского питания и отвечаю за сестру:

— Она ищет с ним точки соприкосновения.

Килл кривит губы в усмешке:

— По-моему, их единственная точка соприкосновения находится ниже пояса.

— Сами разберутся, — подытоживаю я спокойно и, раздавив окурок в банке, поворачиваюсь спиной к улице, облокотившись на ограждение.

Кроу встает вполоборота и, скрестив руки, понижает голос:

— Ли правда улыбалась? Только давай без сарказма.

Меня так и тянет заржать от его скорбного вида, но это будет чересчур жестоко по отношению к лучшему другу.

— Не уверен. Возможно, мне показалось.

Он несколько секунд молчит, изучая мои глаза с дотошностью микробиолога, а затем выдает:

— Тебе показалось.

— Как скажешь, — уступаю я. — Ты забрал доверенность от нотариуса?

— Да, но все равно не понимаю, почему ты отказался оформлять фирму на двоих. Ты хотя бы представляешь, каково мне фигурировать единственным владельцем при том, что ты делаешь для компании в разы больше? Это твоя смазливая физиономия должна красоваться на сайте, и это ты должен участвовать в интервью, а не я.

— Я участвовал в интервью, — объясняю невесело, вспоминая те затуманенные дни, когда, не успев отойти от пропажи Каталины и похорон ее семьи, я курсировал между допросами. — Боюсь, моя *скандальная* физиономия привлечет не то внимание, которого мы ждем. Так что извини, Килл, отдуваться перед журналистами на этот раз придется тебе. Это минимальная плата за то, что ты можешь решать большинство вопросов из Вашингтона и ловить улыбки вашей крохи.

Киллан настороженно прищуривается, не удовлетворившись моим оправданием, и принимает вид босса:

— У PR-отдела все готово?

— Да. Презентация на финишной прямой. На днях пришлю ее, чтобы ты успел подготовиться. Ленси уже забронировала тебе билеты в обе стороны.

— Кто бы мог подумать, да? — губы Киллана растягиваются в самодовольной улыбке, и он дважды хлопает по моему плечу. — Еще два года назад о нас никто не знал, а теперь о нашем бренде говорят наряду с мировыми гигантами.

Киваю, испытывая двоякие чувства.

У нас с Киллом собственное (пока небольшое) производство, где выпускаются эксклюзивные мотоциклы. Мы не только собрали мощную команду из технологов, инженеров и ученых, но и открыли несколько мотосалонов в Европе. В одном из них через несколько недель состоится публичный показ элитной коллекции, не имеющей аналогов. Наше самое огромное вложение, которое окупится в ближайшее время. Да, не все смогут позволить себе такие байки, но нам и не нужны все. *Только избранные.*

С одной стороны, «KingDom» — весомый повод для гордости за себя, к чему я так стремился в прошлом. Но оказалось, по-настоящему счастливым делает другое: возможность разделить эту гордость с любимым человеком.

Это все для тебя, Кэти. Для тебя...

Глава 2 Презентация

Фрайбург, Германия

Доминик

До презентации еще полчаса, поэтому мы с Киллом решили потратить время с пользой: понаблюдать с антресольного этажа мотосалона, как сюда стекаются именитые и важные гости. Ленси рассылала приглашения по списку, составленному мной лично. В нем только потенциальные клиенты, чьи интересы совпадают с нашими. Остальные посмотрят шоу по телевизору или в Сети. Рекламный бюджет, по стоимости равный половине партии наших мотоциклов линейки «Diamond», предполагает все самое броское, дорогостоящее и королевское, словом, оправдывающее название и нашей компании, и новой серии. Сегодняшняя презентация – лишь малая часть PR-кампании.

Пирамида из хрустальных бокалов с винтажным шампанским Dom Perignon, официанты в черных фраках, сшитых на заказ, метрдотели, встречающие прибывших, съемочная группа Euronews «в комплекте» с самым высокооплачиваемым репортером, переводчик-синхронист, инструментальная музыка на фоне, вращающийся подиум с начищенными байками, пока накрытыми большим непроницаемым чехлом, – каждая деталь должна зажигать жадный и алчный свет в глазах тех, кто предпочитает роскошь.

Интересно, что сказала бы Кэти об этой показухе? Скорее всего, назвала бы меня снобом.

— Пострашнее журналистки не нашлось? Адри подвесит меня за яйца, — гундит Килл при оценке обстановки внизу.

Уголок моего рта дергается на его замечании.

— Почему у меня ощущение, что ты говоришь об этом с предвкушением, чертов ты извращенец?

— Ну, в какой-то степени твое ощущение тебя не подводит, — отвечает Кроу, потирая подбородок со зловещим видом.

— Так и знал, что ты кайфуешь от ваших бесконечных перепалок.

— Я этого и не скрывал, — скалится он, прерываясь на сообщение в телефоне. Судя по несдержанной улыбке, оно от Адрианы.

Отвожу взгляд обратно. Чертовски рад, что хотя бы у Киллана сложилась личная жизнь. А меня ждет вечер с той самой журналисткой Надин, пригласившей отметить сегодняшнее событие еще на этапе обсуждения сценария. Ей я представился топ-менеджером фирмы. Не знаю, подозревает ли она о том, что я сторонник однократных связей ради спуска спермы, или нет, но кого это волнует. Цинизм в отношениях с женщинами вскормлен мной не с целью унижить, а с целью защитить их от меня самого.

Опыт с Валенсией показал, какими плачевными могут быть последствия. А опыт с Кэти научил, как на самом деле легко отличить ту особенную от случайной. Надин – случайная, как и все предыдущие до нее.

Мое общение с женщинами смахивает на прямую линию кардиограммы: никаких бешеных скачков пульса, ноль ощущений за ребрами, ни-че-го. Мне нечего им дать, кроме взаимной разрядки.

Это не добровольное наказание одиночеством, как это было, например, у Октавио. Повышая «квалификацию» в холодном расчете, я будто разучился любить с чистого листа. Все теплое, что во мне осталось, теперь достается только тем, кто был в моей жизни до того, как ее раздробило на части. На новых людей меня не хватит.

За Килланом приходит администратор, и он спускается вниз для интервью и последующей демонстрации коллекции. В моих напутствиях Кроу не нуждается. Наше дело нравится

ему не меньше, чем мне, просто он терпеть не может публичные выступления. Его больше вдохновляет технический этап производства и краш-тесты – вот где его стихия.

Окидывая взглядом посетителей, задерживаюсь на некоторых подольше, пытаюсь прочитывать настрой, но тщетно. На них привычные покерфейсы, свойственные любителям шастать по аукционам в желании заполучить себе то, чего не будет у других, и не демонстрировать этого желания до финального удара молотка. Так вкус победы в разы ярче, по себе знаю.

Нанятый конферансье объявляет выход владельца «KingDom», и я убираю ладони в карманы деловых брюк, приготовившись наблюдать за шоу через затемненную стеклянную стену.

— Держи, — тихо подошедшая Валенсия вручает узкий бокал с минеральной водой без газа. — А себе я налила Dom Perignon, у меня нет пунктика по поводу трезвости, — поясняет она с улыбкой и, аккуратно звякнув нашими фужерами, пробует напиток.

Оставив без внимания очередную подколку, смачиваю горло, внимательно слушая диалог Надин и Киллана. Они сидят в рядом стоящих креслах недалеко от подиума. Между ними стеклянный столик с кофейным сервизом на две персоны, а операторы расположились так, чтобы не загромождать обзор присутствующим.

— Мистер Кроу, давайте начнем с истоков: почему вы остановили свой выбор на столь величественном имени вашего детища?

Килл дарит журналистке расслабленную улыбку:

— Захотел стать заметным, это же очевидно.

По помещению разбегаются смешки, а у меня начинает пылать чернильная надпись на теле. Киллан считает, что в названии компании KingDom⁵ скрыты начальные буквы наших с ним имен, но только я один знаю, чье имя спрятано в начале: *Kummi*, так сильно любившей мотоциклы. А поскольку о существовании совладельца Доминика Рэйвена посторонним неизвестно, история происхождения бренда и вовсе должна быть лишена глубоких смыслов.

— Если говорить о мотоциклах за вашей спиной, — продолжает поважневший бизнесмен Киллан Кроу, — мы планировали создать узнаваемую коллекцию класса «люкс». Линейка «Diamond» – это не просто средства передвижения. Это роскошь, с которой захочется сдуть пылинки, как с Его Величества. Это коллекционная серия для истинных ценителей и превосходная инвестиция благодаря внедренным инновациям. Но о них поговорим позже, во время презентации.

— Вы хотите сказать, что ваши «бриллиантовые» мотоциклы предназначены не для езды, а для любования ими? — Надин кокетливо улыбается, и взгляд Килла меняется на ледяной.

Адри, прилипшая к экрану в Вашингтоне, наверняка выдохнула с облегчением. Эти двое – самые ревнивые личности в моем окружении. Меня тоже выбешивал Ортис и остальные придурки, облизывавшие Кэти своими похотливыми глазенками, но это было ровно до тех пор, пока она не стала моей. Жить на качелях ревности, – на мой взгляд, пытка, а не удовольствие.

— При желании на них можно прыгать и с лыжного трамплина, но, поверьте, их владельцы на это не отважатся, — отражает Кроу, и девушка кивает с безупречной улыбкой:

— Поняла вас. Мотоциклы «Diamond» — это как Bugatty Atlantic в коллекции Ральфа Лорена⁶?

— Почти. — Килл гордо расправляет плечи от такого утрированного сравнения. — Но, по нашим прогнозам, через несколько десятилетий цена сегодняшнего коллекционного экземпляра «Diamond» возрастет в несколько раз, а на открытом рынке их уже не будет, как и легендарного Bugatti.

— Это поистине смело. Разве не выгоднее производить крупные серии для массового потребителя?

⁵ Kingdom – «Королевство» в переводе с английского языка.

⁶ Модный дизайнер Ральф Лорен известен как страстный коллекционер редких автомобилей.

— У нас есть и такие. За два года существования фирмы мы создали три серии мотоциклов. Одна из них – эндуро для любителей погонять по бездорожью, вторая – спортбайки с возможностью комбинаций оснащения в зависимости от задач, третья – круизеры. Кстати, дизайн последних разрабатывался под руководством моей любимой супруги.

На этот раз моя подавляемая ухмылка прорывается наружу. Готов поклясться яйцами Килла, на лице Адри сейчас играет блаженная улыбка. Даже Валенсия вдохнула с восхищением.

— Семейный бизнес – это чудесно, — отсыпает Надин комплимент. — Вы разделили мотосалоны по такому же принципу, что и линейки продукции? Почему презентация последних моделей проходит именно здесь, во Фрайбурге? Насколько известно, мотосалоны «KingDom» открыты еще в Барселоне, Антверпене и Милане.

Какого черта? Этого вопроса в плане не было, и я моментально зверею. В интервью возникает небольшая заминка, и Килл заполняет ее глотком кофе из черной чашки, поставленной на столик больше для декора. Я даже не уверен, есть ли там кофе.

— Остальные мотосалоны пользуются такой популярностью, что мы не стали закрывать их для подготовки к сегодняшнему показу, — не теряется Килл. — Этот – самый новый и просторный, что удобно для организации подобных мероприятий. К тому же территориальное расположение Фрайбурга на стыке трех стран позволит доставить мотоциклы любым транспортом в кратчайшие сроки. Это же Центральная Европа, господа.

Кроу завершает ответ хитрым прищуром, Надин выглядит удовлетворенной, а я едва заметно расслабляю напряженную спину и залпом выпиваю остатки воды.

— Почему же вы открыли предприятие в Европе, а не в США?

— Все просто. Из-за экономического кризиса мадридский завод по производству автозапчастей оказался на грани закрытия. Мы сделали его владельцу выгодное предложение, и теперь он наш, только модернизированный и переоснащенный под нужды мотоциклетной промышленности.

— Вашему процветанию можно поаплодировать, без преувеличения, — стелется Надин вполне искренне. Посторонние и не догадаются, что это заученный текст.

— Благодарю.

— Возможно, мой вопрос прозвучит нескромно, но как в свои двадцать пять вам удалось так быстро взлететь?

— Нам повезло с инвесторами, которые поверили в наше дело.

— Мистер Кроу, вы упоминали, что все мотоциклы в партии имеют разный дизайн, цвет и комплектацию. Вдруг после презентации наши уважаемые гости устроят драку, чтобы забронировать тот или иной экземпляр первым? Как быть?

Очередная порция хохотков прокатывается по помещению, и Килл обращается к зрителям:

— Мы продадим тому, кто перебьет цену предыдущего желающего.

— То есть будет аукцион?

— Да, мы – не сторонники импульсивных решений, и хотим предоставить будущим клиентам время на обдумывание такого дорогостоящего приобретения. Онлайн-аукцион состоится сегодня вечером и будет длиться всего двадцать минут.

Сияющая журналистка поворачивается к присутствующим:

— Уважаемые гости, у вас есть вопросы к мистеру Кроу?

— Есть, — отзывается темноволосый мужчина, стоящий во втором ряду в сопровождении своих компаньонов. *Михаэль Ульрих, совладелец компании, которой принадлежат гоночные трассы в Абу-Даби и США.* — По каким параметрам вы отнесли мотоциклы «Diamond» к классу «люкс»?

Благодаря деловому костюму и уверенной позе Килл выглядит как президент крупного государства. Зная о его ненависти к одежде, стесняющей движения, и тем более к выступлениям, могу представить, сколько усилий он сейчас прилагает, чтобы произвести впечатление. У него отлично получается.

Коротко улыбнувшись, Кроу начинает перечислять непревзойденные характеристики наших изделий, а мои глаза в это время скользят от одной фигуры к другой.

По диагонали от Ульриха стоит Лионель Росси с непроницаемым выражением лица. Член совета директоров корпорации «Магнат», специализирующейся на электронике, продюсер нескольких звезд эстрады, владелец сети ресторанов и, что важнее, коллекционер редких автомобилей и мотоциклов. Поговаривают, у Росси мизофобия⁷, и причин не верить этим сведениям нет: на календаре июль, а его руки облачены в кожаные перчатки. Помимо этого, охрана выстроила вокруг него кольцо, отделяющее мужчину от остальных людей.

Он родом из Италии, но, по моим данным, имеет недвижимость в Испании, Люксембурге, Германии, Монако и много где еще. Богатый, при этом скупой, как Скрудж Макдак, и, разумеется, мы рассчитываем, что он не устоит перед покупкой как минимум одного байка «Diamond». Даже не так: я уверен, что он не устоит.

— Во-первых, это передовая электроника, управляющая навигацией, режимами езды, впрыском топлива, подъемом переднего колеса при ускорении и многое другое. Во-вторых, адаптивные подвески, комфортное сиденье, разработанное в тандеме с врачами-ортопедами, материалы высочайшего качества. В-третьих, уникальный дизайн, обеспечивающий отменную аэродинамику. Наш мотоцикл разгоняется до ста километров в час за две целых четыре десятых секунды.

— Впечатляюще, — вставляет Надин, приложив ладонь к ключице.

— А в-четвертых... — Киллан поднимается с кресла и отходит к подиуму.

Тот освещается множеством ослепляющих прожекторов, лучи которых выгодно подчеркнут металлический блеск корпуса и логотипа. Накануне мы с дизайнером и организатором переставляли байки несколько раз, прежде чем добились нужного эффекта.

Любопытно увидеть первую реакцию клиентов. Вторую проверим уже при близком контакте. Мы дадим подержать игрушку, а потом ее отберем, чтобы усилить желание вернуть ее назад. Психология маркетинга – ничего личного.

С помощью стильно одетого парня-гонщика (и по совместительству модели) Килл убирает чехол с мотоциклов, и звучащая мелодия перебивается вежливыми аплодисментами, характерными для этикета высшего общества. Удивительно, сколько двуличных типов нас окружает. У большинства из них вежливости не больше, чем тепла на Антарктиде.

Слежу за будущими покупателями и четко вижу, как у одного дернулся кадык. Отлично. У него уже потекла слюна.

Надин присоединяется к Киллану, и туда же подтягиваются два оператора.

Черные brutальные спортбайки с нанотехнологичной керамической оболочкой смотрятся эффектно даже отсюда. Обтекаемая форма, асимметричные элементы, хищные светодиодные полосы вместо фар, руль, интегрированный в обтекатель, – все детали продуманы до мелочей, а каждый мотоцикл имеет неповторимый дизайн. И это только то, что видно на поверхности. Внутри они так же хороши.

По нутру расползается распирающее чувство, отдаленно напоминающее радость. Если учесть, что последние годы мы буквально жили этим делом, изучали все тонкости мотоцикlostроения, искали разработчиков и переманивали от конкурентов ведущих инженеров, происходящее сейчас могу уверенно назвать большим достижением. *Но пока не триумфом.*

⁷ Мизофобия – это патологическая навязчивая боязнь загрязнения микробами и бактериями, сопровождающаяся стремлением к экстремальной чистоте.

— Поздравляю, Ник. Они потрясающие. — Валенсия сжимает мое плечо, и я киваю, не отрывая взгляда от ошеломленных лиц.

Киллан торжественно объявляет о ключевом элементе, вокруг которого мы устроили шумиху:

— Леди и джентльмены, перед вами не просто произведения техники, но и в прямом смысле бриллианты, подтверждающие название модели. — Килл по-хозяйски обводит пальцем серебристый витиеватый логотип «KingDom», и оператор наводит на него фокус.

Изображение транслируется крупным планом на огромном экране, и мерцающие переливы камня, инкрустированного вместо точки над *i*, завораживает внимание абсолютно всех. Репортерша, ранее отклонившаяся от моего сценария, кажется, забывает, как пользоваться языком.

— Они настоящие? — любопытствует она, переводя сверкающий взгляд от одного бриллианта к другому.

— Разумеется. Высокопрочная глухая оправа, мужественная огранка Ашер, четыре карата каждый. Подлинность всех камней заверена сертификатами. Теперь вы понимаете, почему я говорил о выгодной инвестиции? Эта серия создана для избранных. Для тех, кто любит баловать себя, смотрит в будущее и планирует обеспечить не одно поколение потомков.

Теперь смехок не сдерживаю и я. Смотреть на то, как разглагольствует друг, еще год назад протестовавший против моей шальной идеи, и впрямь забавно. Этот риск осознанный, и, по самым смелым предположениям, даст свои плоды уже сегодня.

Далее гостям предлагают подойти ближе, чтобы рассмотреть, пощупать и даже оседлать вероятное приобретение. Становится шумно, и остается лишь по выражениям лиц догадываться, о чем спрашивают мужчины и что им отвечают включившиеся в игру менеджеры по продажам, раздающие буклеты.

Но и это еще не все. Конферансье просит публику разойтись по сторонам для живой демонстрации возможностей мотоцикла.

Стеклянные запасные двери разъезжаются для выезда на пустую закрытую парковку мотосалона, и приглашенный профессиональный гонщик вальяжно устраивается в ближайшем к выходу мотоцикле. Освещение делают приглушенным для большей зрелищности. Заведенный двигатель даже в воцарившейся тишине звучит приятным урчанием. Включенные светодиоды рассекают пространство яркими полосами, и парень выжимает газ.

Но тронуться у него не получается. Мотор глохнет, что является частью шоу.

Киллан снова берет слово, поднимая ладонь вверх:

— Без паники, дамы и господа. Только что мы продемонстрировали нашу запатентованную противоугонную систему: биометрический иммобилайзер. Двигатель автоматически блокируется, если за руль сел не владелец. — Кроу приближается к заглухнувшему байку и, заново вставив ключ, прикладывает большой палец к сканеру на приборной панели. — Кроме того, во все модели «Diamond» встроена функция «тревожного пальца». Она позволяет передать сигнал тревоги, если владелец вынужден завести мотоцикл под угрозой.

Водитель опять заводит движок, и оставшаяся часть показа проходит гладко. Все с восхищением любят прокатом мотоциклиста через стекло, расслабленно попивая шампанское. Я же расслаблюсь нескоро.

Для начала нужно дождаться окончания аукциона. А пока, пожалуй, напишу Надин об отмене ужина. Лучше отправлюсь в отель и трахну свой кулак, чем потрачу время на девушку, плохо исполнившую свою часть соглашения. Значит, и нет смысла ждать, что она сдержит обещание не искать со мной встреч в будущем.

Глава 3 Остановка дыхания

Доминик

Задержав дыхание, ныряю в прохладную воду и позволяю телу скользить вниз плавной стрелой. По мере погружения в шахту глубоководного бассейна окружающие звуки полностью исчезают. Мой мир становится тихим и спокойным. Тело расслабляется, делается легким и невесомым, а голова на время отключается от тяжелых и удручающих мыслей.

Только начав заниматься фридайвингом, я задумался о том, что и у мыслей есть вес. Думаешь о чем-то счастливом и беззаботном, — и словно паришь. Даже углы бровей, губ и глаз приподнимаются из-за этой легкости.

Стоит погрузиться в мрачные идеи, и тебя будто придавливает к земле, а все мимические мышцы сползают вниз, награждая хмурой и унылой физиономией.

Поскольку эта темная тяжесть стала частью моего существования, а в землю мне еще рановато, я решил компенсировать гневные мысли этим спортом. Два года назад он стал моей отдушиной, помогающей чувствовать себя живым, а не роботом в обшивке из человеческой кожи.

Появляюсь на поверхности воды и, сделав быстрый вдох ртом, сверяюсь с таймером на наручных часах: три минуты и двадцать секунд. Плохо. Нужно и правда завязывать с сигаретами. Подплываю к бортику, восстанавливая дыхание, и поднимаю маску на макушку, как раз когда на уровне моих глаз возникают ноги тренера.

— Доминик, твой айфон голосил на весь бассейн раз десять. Возможно, что-то срочное.

Даю отмашку своему бадди⁸, следившему за погружением и, подтянувшись на руках, выбираюсь из бассейна. По пути к скамье, где я оставил телефон, снимаю зажим с носа и проверяю, кто там такой настырный.

Отец.

Не раздумывая, набираю ему, и он снимает трубку до окончания первого гудка.

— Ник, где ты? — отчетливая спешка в его голосе настораживает.

— В бассейне. Что стряслось?

— В бассейне какого города? — вопрос не глупый, так как из-за моего ритма жизни и перемещений меня можно смело назвать человеком без определенного места жительства. Бомжом, ага.

— Здесь, в Барсе. Вчера вернулся из Фрайбурга.

— У тебя есть возможность на время скрыться?

— Это еще зачем?

— Если коротко, то Никки стала свидетелем убийства одного политика, и на нее хотят повесить это дело. Я приказал своему телохранителю увезти ее подальше, пока не разберусь с этим. В общем, люди там замешаны непростые, и теперь все мы у них под колпаком. Лучше уехать куда-нибудь. Получится?

Отцовский хладнокровный доклад влетает в меня царапающим камнем, застревающим в глотке. Какого черта? Желание помчаться к сестре на выручку сменяется желанием дать себе по роже. В последние годы я стал худшим родственником в мире и погряз в личных проблемах, решив, что у остальных их нет.

Прежде чем задать главный вопрос, обвожу бассейн бдительным взглядом, убеждаясь в отсутствии любопытных ушей.

— Никки этого не делала?

⁸ Бадди — это напарник по погружению, который страхует фридайвера на поверхности и во время всплытия. Это главное правило безопасности: нырять одному категорически запрещено.

— Конечно, нет! — отрезает отец, словно я несу пьяный бред. А ведь горький опыт доказал, что зарекаться не стоит никому из нас.

— Хорошо. Где она?

— В безопасности.

— Как ты планируешь ей помочь?

— Подключу старые связи, полиции доверять нельзя. Все будет в порядке, но мне нужно время. Мама с Альбой, Алисой и Эйденом уедут сегодня вечером, и я прошу тебя тоже сменить привычное место обитания. Договорились?

— Я смогу себя защитить, мне не десять.

— Ник, я рад, что ты такой самоуверенный, но тебе сложно последовать моему совету? Мне нужно бросить все силы на помощь Николь, а не думать, не отдыхает ли мой сын с булыжником на шее в каком-нибудь вонючем пруду! — отец злится, а перед моими глазами вспыхивают снимки с телом Кэти, найденным в реке.

Мокрый гидрокостюм не спасает от обжигающей золы, мгновенно осевшей в груди. Столько времени прошло, а эта опоясывающая боль никуда не уходит. Лишь на время теряется за грудой дел. Иногда даже жаль, что часть из них решается слишком быстро, и приходится заваливать себя новыми.

— Доминик? — напоминает папа о своем присутствии.

— Я тебя понял. Хорошо, уеду, — уступаю я, поскольку так и так не собирался засиживаться в Барселоне. Целых полтора дня не был в командировке. — Только держи меня в курсе насчет Никки.

— Да, еще. Прихвати с собой тот телефон, который я давал на всякий случай. Будем связываться через него.

У всех членов нашей семьи есть подобные телефоны с анонимной прошивкой. В силу профессии отец всюду видит угрозы и таким путем перестраховывается. Не верю в спасительную мощь этих гаджетов, так как в экстренном случае помогут только оружие или ноги (или и то, и то), но ради спокойствия семьи соглашаюсь.

— Ник, — вздыхает папа. — Я знаю, о чем ты сейчас думаешь. Сам таким был. Но, прошу, не делай того, в чем не уверен.

— О чем ты? — уточняю я.

— Обо всем. Будь осторожен.

Мы с отцом оба понимаем, что еще никто в этом мире не был осторожен, потому что кто-то сказал ему быть осторожным, тем не менее желаю ему того же и завершаю вызов.

Подхватив с мокрого пола моноласт, прощаюсь с персоналом и отправляюсь в душ, переваривая услышанное. У Никки скоро свадьба. Как ее угораздило вляпаться в такую передрыгу? Хотя чему удивляться: это же Николь! Мы виделись в мой последний приезд в Вашингтон несколько недель назад, и сестра была все той же егозой, что в десять, пятнадцать и двадцать лет. Несмотря на уверенность в том, что все разрулится в ее пользу, не могу избавиться от злости и тревоги, стягивающей ребра. Дерьмовое человеческое чувство, которому на данном отрезке жизни я ни хрена не рад.

Надеюсь, тот телохранитель обеспечит ее безопасность, иначе ему самому понадобится охрана.

На папином звонке сюрпризы не закончились. На следующий день со мной связался Киллан и предупредил, что не сможет сопровождать отправку части «алмазов», — так мы прозвали наши байки «Diamond», которые в результате аукциона поделили между собой четыре покупателя. Троицким отправили груз несколько дней назад еще при нас с Кроу, а мотоциклы четвертого, Лионеля Росси, заберут сегодня уже без нашего надзора. Сам Росси в отъезде, и доставку перенесли, поскольку для перепрограммирования отпечатков нужны пальцы клиента.

Из-за инцидента с Николь все семейство Кроу по очереди вызывали на очные ставки, а сейчас Килл с Адри и Лианой переехали в какой-то секретный загородный дом, где до них не смогут добраться наемники настоящего убийцы политика.

Дело дрянь. С сестрой связи нет, и никто не знает, где она. Даже отец. Интерпол к нам вряд ли нагрянет, если учесть, что Никки не позволят пересечь границу, но исключать этого не стоит. Отъезд навлечет на нашу семью лишние подозрения, но раз отец на нем настаивает, значит, последствия могут быть еще хуже.

Крутанувшись в кресле, отворачиваюсь от окна с видом на порт Барселоны и окидываю тягостным взглядом офис, служащий и ночлегом, и мини-тренажеркой, и местом для деловых встреч. Здесь есть все необходимое для комфортного холостяцкого проживания.

В квартиру, где жила Валенсия, возвращаться не планирую. Последний раз я там был три с половиной года назад. Через неделю после пропажи Кэти я понял, что нахождение в месте, напоминающем о поганой реальности, разрушает меня слишком быстро. Мне с лихвой хватало внутреннего ада, чтобы подкидывать себе внешних причин для сумасшествия. Я нуждался в силах, а они иссякали при взгляде на каждый предмет, которого касалась она.

В гостиной наполовину украшенная ель. Под кроватью одинокий зеленый носок. В ванной наши зубные щетки. В кухонном ящике упаковка ананасовых леденцов. На окне множественные отпечатки ладоней, появившиеся от нашего спонтанного секса (сама виновата: кто смотрит в окно в одних трусиках?).

Чтобы не свихнуться, я снял квартиру поменьше, а ту вскоре предоставил Валенсии и передумал продавать, посчитав, что этим поступком хотя бы немного заглажу причиненный мной вред.

Тут без стука распаивается дверь, и на пороге появляется напуганная Ленси с глазами размером в двухевровую монету:

— Доминик, их украли!

— Кого? — интересуюсь лениво, полагая, что после новостей о Николь меня вряд ли можно удивить.

— «Алмазы», Ник! Прямо из салона. Те, что подготовили для отправки Лионелю Росси! Моментально выпрямляюсь в кресле, ожидая услышать что угодно, но только не это:

— Этого не может быть.

— Все четыре, — добивает Ленси. — Пять часов назад. До Киллана не смогли дозвониться, поэтому управляющий из Фрайбурга позвонил сюда. Что делать?

— Пять часов?! Почему я узнаю об этом только сейчас? — Встаю, сдавливая затылок пальцами. Нельсон виновато пожимает плечами, а я взрываюсь: — Как это возможно, черт возьми? Там до сих пор должны быть отпечатки Килла! Кто их мог угнать? Сорок друзей Оушена⁹ под руководством Сноудена¹⁰?

— Профессионалы? — предполагает Валенсия извиняющимся тоном, вызывая у меня злорадный смех:

— А мы тогда кто? Идиоты, подсунувшие богатеям суперпродвинутую противоугонную систему, которую может переплюнуть велосипедный замок?

Нельсон отводит соболезнующий взгляд, а я отхожу к панорамному окну и стараюсь дышать пореже, чтобы успокоиться и не усугублять положение. Не успели мы порадоваться результатам презентации, как успех показал нам зад. Кто-то оказался гораздо умнее и хитрее наших разработчиков, считавшихся до этой минуты гениями. Угон «алмазов» перечеркивает

⁹ «Одиннадцать друзей Оушена» – известный фильм про грабителей.

¹⁰ Эдвард Сноуден – американский программист, бывший сотрудник ЦРУ и АНБ, который в 2013 году раскрыл миру информацию о программах массовой слежки американских спецслужб за гражданами по всему миру.

все усилия последних лет! И дело не только в потере репутации и деньгах, которые мы теперь должны Росси.

— Так, спокойно, — выдыхая я, потрепав затылок. — Их найдут. Узнай, отследили ли байки по GPS-модулям?

— Служба охраны сделала это первым делом. Угонщики деактивировали модули.
Твою же мать... Кто они такие?

— В полицию заявили, — добавляет Валенсия еле слышно. — Я жду записи с камер, должны вот-вот прислать.

— Росси уже сообщили? — вспоминаю я о более насущном.

— Нет, все ждут ваших с Килланом указаний. Они понимают, какой это удар по престижу компании.

Бросаю быстрый взгляд на часы, вычисляя текущее время в Вашингтоне. Там раннее утро, так что придется пока действовать в одиночку. Позавчера отец просил свалить из Барселоны? Ну вот, идеальнее повода не найти.

— Бронируй билет в Германию на ближайший рейс, — прошу я максимально сдержанно, хотя еле борюсь с желанием всадить во что-нибудь кулак. Или лучше – в кого-нибудь.

— Ник, я знала, что ты об этом попросишь, поэтому проверила вылеты прямо перед входом сюда. Ближайший – завтра в полдень, либо с пересадкой через Мюнхен, но по времени выйдет так же.

Вздыхнув, стягиваю со стола брелок от своего спорткара McLaren и говорю то, что Валенсии не понравится:

— Звони Фернандо и предупреди, что уезжаешь со мной. Поедем на машине.

— А я зачем?

— Извини, но я так замотался, что забыл отрастить третью руку, чтобы решать рабочие вопросы за рулем. — С досадой захлопнув крышку ноутбука, разжевываю очевидные факты: — В фирме не должно быть утечки, а тебе я доверяю. Предстоит уйма дел: в первую очередь, составить приказы на увольнение программистов нашей противоугонной системы. А во вторую – поиграть в переводчика немецкого, если понадобится.

Ленси подходит ближе:

— Ник, мы в любом случае не приедем раньше ночи. До Фрайбурга больше восьмисот километров... Может, перспишь с мыслями и на холодную голову найдешь решение?

— Мысли – и так мой бессменный постельный партнер, Ленс, — спорю я, направляясь в гардеробную. — И ты недооцениваешь возможности McLaren. Мы будем на месте через четыре часа максимум. А вообще, как хочешь. Можешь оставаться, справлюсь без тебя. Но тебе придется побыть онлайн, пока Килл не выйдет на связь, и параллельно связаться со страховой компанией и охранной организацией, которая устанавливала сигнализацию в мотосалоне, а еще заткнуть рты всем сотрудникам до единого. Чтобы ни одного звука, даже отдаленно напоминающего слово «угон», не слетело с их языков! Росси не должен знать о том, что его байков больше нет. Пока нет... — исправляюсь я. — Мы вернем их.

Натянув чистые джинсы и футболку, выхожу наружу и слышу, как Валенсия в приемной разговаривает по телефону со своим женихом и обещает вернуться как можно скорее. Намеки на совесть пытаются пробраться через дебри моего отвратительного настроения, но им не удается.

Привалившись боком к дверному косяку, жду, когда она договорит. Погрустневшая Нельсон бережно убирает телефон в сумку, поворачивается ко мне и с усталой улыбкой отвечает на мой неозвученный вопрос:

— Я это делаю не для тебя. Если ты уснешь за рулем на скоростном автобане и разобьешься, мне будет очень грустно, а я не люблю грустить.

Несмотря на охренеть какое недоброе расположение духа, улыбаюсь. За свою жизнь я много в чем ошибался, но с выбором личного помощника точно не прогадал.

До Фрайбурга мы домчались за четыре с половиной часа и прежде всего приехали в мотосалон, где нас ждал персонал с понурыми лицами. Еще бы, это их последний рабочий день.

По пути Валенсия продемонстрировала присланные видеозаписи, над которыми я хохотал минут пять. Таких наглых и отчаянных угонщиков я не видел даже в кино. Они подкачали к салону средь бела дня на черном фургоне с нашей, мать его, эмблемой, предъявили менеджерам документы, спокойно погрузили мотоциклы Росси и свалили. На бумагах стояла наша поддельная печать и даже подпись Киллана, а трое мужчин в фирменных комбинезонах «KingDom», которые носят наши техники, вызвали ноль подозрений.

Это или долбаные гении, или непроходимые тупицы. Хотя в данный момент последним чувствую себя я.

То, что документы – фальшивка, обнаружил менеджер, когда за байками приехали настоящие сотрудники «KingDom». Лионель Росси вносил авансовый платеж в качестве брони, а остаток должен был поступить на наш счет после доставки в его особняк, расположенный в Люксембурге. А теперь... Теперь мне придется изворачиваться и придумывать надежное оправдание для задержки.

Да... Оптимист во мне, видимо, не сдох, раз я рассчитываю на поимку этих отмороженных. Кража мотоциклов общей стоимостью больше четырех миллионов Евро – это явно спланированная операция. За такими ограблениями обычно стоят влиятельные люди, действующие в связке с представителями закона. Но у меня есть кое-что получше, чем продажная полиция: знания.

Сидя на диване в офисе мотосалона, делаю глоток эспresso из нашего кофемата и открываю входящее сообщение ровно в ту секунду, когда на рабочий телефон поступает звонок с неизвестного номера.

— Слушаю, — отвечаю по громкой связи, одновременно читая обнадеживающую информацию из SMS.

— Добрый вечер. Это капитан полиции, Генрих Мюллер, — представляется мужчина на английском с немецким акцентом, и я подзываю ладонью Валенсию, чтобы в случае чего она переводила его речь. — С кем я могу говорить по поводу угона мотоциклов?

— Со мной. Я доверенное лицо владельца компании. Меня зовут Доминик Рэйвен.

— У нас есть для вас новости, господин Рэйвен. Мотоцикл, похожий на ваш, обнаружили на границе с Германией. Мы задержали девушку.

— Что значит: похожий? Он единственный в своем роде, — усмехаюсь я, не веря в то, что та девица – наш «клиент».

— Да, в ее мотоцикле тоже камень, но она предъявила документы, подтверждающие собственность, поэтому я и сказал: «похожий». Только вы сможете это подтвердить или опровергнуть. Сейчас она в полицейском участке Цюриха. Когда сможете сюда приехать?

Цюрих?! Скептический настрой улетучивается за секунду. Во-первых, мотоциклов с драгоценными камнями в мире единицы, а во-вторых... Черт, свалившаяся информация походит на правду.

Рывком поднимаюсь на ноги и, прихватив папку с бумагами, устремляюсь к выходу. Если эта девушка действительно разъезжала на нашем байке, она может привести и к остальным трем. А мне нужны все четыре, без вариантов.

В час ночи в участке тихо, и наши гулкие шаги по узкому, плохо освещенному коридору чеканят наперебой с моим пульсом, яростно бьющимся и от предстоящей встречи с вероятной

угонщицей, и от нехватки сна. Валенсия увязалась за мной, так как не захотела оставаться одна в салоне, а мое предложение отправиться в отель она отклонила.

— Подозреваемая довольно дикая, — предупреждает капитан Мюллер по пути к помещению для задержанных. — И неохотно отвечает на вопросы, ссылаясь на плохое знание языка. Она испанка.

Не реагирую на это замечание. Мне плевать, кто она и какой национальности. Если мотоцикл наш, то в данный момент волнует другое: где, черт подери, другие.

В конце коридора открывается металлическая дверь, и оттуда выскакивает молодой офицер, двумя пальцами зажимающий нос. Не заметив нас, он трясет перед закрытой дверью средним пальцем, выражаясь на немецком. По глубокому вздоху нашего сопровождающего, представившегося лейтенантом Мюллером, догадываюсь, что нам нужно именно туда.

Что там за оторва? Хотя неженки и не промышляют угонами. Языка, значит, не знает? Разговорится, пусть не сомневается. Особенно после озвучивания срока, который ей грозит.

Полицейский открывает дверь, и сначала я пропускаю Ленси. В первую секунду не понимаю, почему она резко встала, не сделав и половины шага, а во вторую меня накрывает ощущением, схожим с погружением на глубину. Только внезапная остановка дыхания и ощущение аномальной невесомости не имеют ничего общего с успокоением.

Один взгляд поверх головы Валенсии – и меня будто наживую рассекают пополам. До такой адской боли в легких, что я перестаю ощущать свое тело, всего себя. Мозг отказывается верить в сидящую передо мной иллюзию, но рассудок не может так жестоко врать.

Глаза не могут подменить реальность.

Каждая деталь любимого лица вырезана в моей памяти незаживающими рубцами. Я узнал ее из миллиардов в первую встречу и с такой же легкостью узнаю сейчас. Это она. Она.

Глава 4 Час расплаты

Цюрих, Швейцария

Несколько дней назад

Монотонное дребезжание телефона вынудило Картера Диаса приоткрыть веки, но, увидев имя звонящего, брюнет тут же схватил гаджет и осторожно выбрался из постели, чтобы не разбудить Каталину. Ей снова снились кошмары. За последний месяц такие эпизоды участились, и парень всерьез подумывал о звонке Витторио Пуэрто.

Собственное бессилие перед страданиями Кэти изматывало. Днем она успешно поддерживала образ хладнокровной и жесткой стервы, но ночами у нее не получалось прятать свои зарытые секреты и болезненные воспоминания. Каталина ничего не забыла. *И никого тоже.*

Последний факт доводил Картера до кипения быстрее, чем разгонялся самый шустрый байк в их мастерской. Терпение – не конек Диаса, но ради самого дорогого человека в его жизни он был готов на многое. Нет, не так. Ради нее он был готов на все. Даже продать душу дьяволу, который и названивал уже третий раз подряд. В аду дрова истребили раньше времени?

Подождет.

Спустившись вниз на кухню, Диас стянул с кухонного острова оставленную вчера пачку сигарет и закурил, глядя через окно на Цюрихское озеро. Эту виллу он купил, надеясь, что виды из окна, свежий альпийский воздух и новое место помогут Кэти восстановиться быстрее. Физически так оно и вышло, но остальное они расхлебывали до сих пор. Даже брату Каталины долгое время не удавалось вытянуть ее из состояния мертвеца, а ведь ему самому было непросто.

Но и те нескончаемые дни стоили того, что им троим досталось в итоге: семья. Безумная и ненормальная, но семья.

Картер метнул взгляд на подъездную дорожку и нисколько не удивился, обнаружив там велосипед. Наверняка Мануэль засиделся за играми и проспал, раз умотал в школу на ненавистном школьном автобусе, делающем крюк в их район персонально за ним. Завтракал он чипсами, если судить по вскрытой пачке на столе, усеянном желтыми крошками. Кэти придет в бешенство, но Мэнни и правда не помешало бы научиться порядку. Иногда казалось, что мальчишка специально выводил сестру, которая после относительного выздоровления заделалась хранительницей порядка и чистюлей. Это касалось не только четкого расположения вещей в доме, но и отношения к обязанностям.

Карту чертовски нравилось то, какой становилась его «дикая кошка»: похожей на него. Он научил Каталину любить жизнь на пике ненависти к ней так же, как когда-то научился сам.

Смахнув остатки чипсов в пепельницу, Картер с огромной неохотой ответил на четвертый звонок Сэмюэла Дюрана:

— Да.

— Это ответ на мое предложение, я правильно понял? — хохотнул мужчина.

— Нет. Свой ответ я озвучил позавчера, и он не изменился.

На другом конце линии повисло угрожающее молчание. Карт подозревал, что за ним не последует ничего хорошего, и оказался прав:

— Ты мой должник, — пробасил Сэм озлобленно.

— Я предупреждал, что в нашей сделке кроме меня больше не будет исполнителей. Это неоправданный риск для всей моей команды. Ты в курсе, что владелец компании – сын директора Нацразведки США? Проси о любом другом заказе, но не об этом.

— Диас, — начал он с нажимом, — когда ты обратился ко мне за помощью, я не отказал. Только благодаря мне жива твоя девка! Но это легко откатить назад.

Попытка запугать не стала сюрпризом. Диас предполагал такой исход, поэтому давно начал к нему готовиться. К переезду все было почти улажено, осталось сообщить об этом Каталине. Картер знал, что она не обрадуется таким переменам, но, когда речь шла об угрозе жизни Кэти, ее мнение занимало примерно никакое место в списке его критериев. Пристыв взглядом к двум черным лебедям, подплывшим к берегу, Карт кинул с вызывающей усмешкой:

— Это угроза?

— Называй, как хочешь, но частный медицинский самолет с донором редкой крови и именитыми хирургами в придачу, – это не благотворительный проект. Я могу продолжать список добрых дел долго. Например, напомнить о палате в элитной швейцарской клинике с анонимным содержанием, инсценировке гибели Веласкес и подбрасывании этих сведений в участок под контролем Кастильо, новых документах...

Сэму незачем перечислять свои заслуги. Все они отражались в карих глазах Каталины, в которые Картер смотрел каждый гребаный день, напоминая себе, ради чего он перевернул полюса своей жизни. Ради чего Диас бросил все, чего достиг: независимость и собственное дело. Но он приобрел больше, чем имел, и ни о чем не жалел.

Карт был благодарен Сэму, но проклинал с той же отдачей за то, что тот держал его в роли охотничьего пса. Да, без бабла и связей Дюрана Кэти не спала бы сейчас наверху в теплой постели. Но Картер не подписывался на пожизненную удавку на шее, несмотря на то, что сама Каталина втянулась в их образ жизни и наслаждалась очередным нарушением закона. Диас понимал, что рано или поздно настанет час расплаты, и он рассчитывал скрыться до того, как наступит «поздно»: удавка Дюрана затягивалась все туже и туже.

Он – мафиози. По собственному желанию из таких организаций уходят только кормить земляных червей, поэтому Картер и предпочитал крутиться в собственной. Так было раньше, и парень собирался вернуть себе независимый статус. С переездом в Цюрих ему пришлось возрождать свое дело почти с нуля, но старые знакомства оказались на руку: в криминальных кругах Карт успел завоевать уважение. Только благодаря этому он хотя бы иногда не чувствовал себя бесправным рабом Сэмюэла.

Сукин сын продолжал распыляться:

— Ты прямым текстом проорал, что согласен на любые мои условия. Включить запись нашей беседы трехлетней давности?

— Нет, — огрызнулся Диас, потеряв бровь костяшкой большого пальца.

Любое напоминание о том вечере и о Кэти, истекающей кровью на пороге его квартиры, пробуждало очень-очень плохие качества, которые он с великим трудом держал на привязи. В тот момент парень готов был ползать у Дюрана в ногах и терпеть любые унижения, не то что орать о согласии стать преступником международного масштаба.

Наплевав на возражение Картера, Сэмюэл включил запись. Единственным фоном того разговора выступал плач мелкого Мануэля, и отрывочные воспоминания взорвались в крови Карта адреналиновой яростью.

Вопреки стремительным реакциям, запущенным в организме, он с особой аккуратностью опустил истлевшую сигарету в стеклянную пепельницу и с внешним спокойствием облокотился на барную стойку, снова зацепившись взглядом за пару птиц у берега. Брать тело под контроль он научился давным-давно, но чувства... Это всегда было невыполнимой задачей.

Картер вслушивался в собственную хриплую речь из динамика и возвращался в прошлое. Кэти потеряла много крови и, если бы пуля, разорвавшая мягкие ткани, не застряла в ребре в паре миллиметров от артерии, у нее бы не было шансов. Проронив имя убийцы своей семьи, Каталина обмякла в руках Диаса, а дальше все погрузилось во мрак, из которого чернильными брызгами фонтанировали лишь вспышки: кровь, бинты, звонок Дюрану, медики, частный аэродром, писк портативных аппаратов, страх, ненависть, надежда... Мельтешение этих

кадров и ощущений смахивало на делирий¹¹. На каторжный бег в гору по горящей земле, сжигающей живьем.

Во время перелета Картер держал бледное запястье девушки, сняв с него золотой браслет, и ловил редкие толчки пульса. Парень не верил в Бога и вместо молитв мысленно говорил с Каталиной. Приказывал ей быть сильной. Обещал сделать то, чего не смог тот американец: защитить.

По его мнению, Рэйвен был золотым мальчиком, далеким от жестокой реальности. Их с Кэти реальности. Диас знал, как в ней существовать, поскольку именно эта реальность его и вырастила.

И он без зазрения совести солгал Доминику, когда тот нагрянул к нему домой. Картер как раз вернулся в Барселону, чтобы разобраться с делами перед окончательным отъездом в Цюрих, и не мог рисковать правдой. Люди Кастильо наверняка висели у Рэйвена на хвосте, но, понятное дело, это не было главной причиной вранья.

Картер дослушал запись, и, сохраняя безучастное выражение лица, повторил:

— Мой ответ: нет.

Он собрался сбросить вызов, чтобы отправиться будить Каталину и оповестить друзей о срочном сборе в «Точке», но слова Дюрана остановили:

— Посмотрим, какие пределы у твоей категоричности после этого.

Сэмюэл отключился, и Диас в недоумении уставился на телефон. О чем он?

Ответ поступил почти сразу в виде входящего файла. Загрузив его, Картер застыл. На беззвучном видео он узнал Мануэля, сидящего на грязном полу затемненного подвала. Связанные руки и ноги не давали ему двигаться, но рот не был залеплен. Бесстрашный брат Кэти что-то кричал тому, кто снимал на камеру, а затем плюнул в его сторону. Видео закончилось, и следом пришло сообщение от Дюрана:

«Все еще «нет»?»

— Сука! — сорвался Диас, отшвырнув телефон. Тот проехался по столешнице и с грохотом упал на плиточный пол.

Картер уперся ладонями в край стола и, закрыв глаза, опустил голову. Урод все предусмотрел! Перекрыл им все пути отступления...

— Картер? Что такое? — заспанный голос Кэти заставил его посмотреть на лестницу.

По ней не спеша спускалась Каталина, завязывая на ходу пояс короткого черного халата. В уставшем от недосыпа взгляде отражалось беспокойство, а Карт не представлял, как преподнести ей новость о том, что Мануэль в заложниках. Они давали слово никогда друг другу не врать, но сейчас ему хотелось пойти именно на это.

Оттолкнувшись от стола, он направился навстречу девушке и, сдавив глотку внутреннему эгоистичному демону, сказал:

— Дюран забрал Мануэля.

На пару мгновений она замерла у подножия лестницы, посчитав, что ее подвел слух, и откинула длинную копну жгуче черных волос за спину.

— В каком смысле – забрал? Из школы? С чего бы?

Картер приблизился к Каталине вплотную и крепко обнял, фиксируя ее руки вдоль тела. Этот день мог начаться по-другому: точно не с таких объятий, как сейчас. Но Диас просчитался, решив, что до наступления часа расплаты у них оставалось время.

Он уткнулся губами в макушку Кэти и повторил другими словами то, что она отказывалась слышать:

— Его похитили.

¹¹ Делирий – это острое, обычно обратимое состояние спутанности сознания, характеризующееся нарушением внимания, восприятия (галлюцинации), мышления и резким двигательным возбуждением.

На несколько секунд воздух в помещении будто потяжелел и завис, а потом Каталина начала извиваться, пытаясь вырваться из силков.

— Нет! — выкрикнула Кэти, что было сил. — Нет! Ты врешь! Это шутка? Скажи, что шутка! Отпусти меня! Я убью его! Клянусь, убью!

Картер осел с ней на пол, не ослабляя хватку, и молча удерживал в таком положении, пока она не затихла, осознав, что вырываться бесполезно: он не отпустит. Парень не чувствовал ее слез на своей обнаженной груди. Они не показывались ни разу за всю их жизнь в Швейцарии. Для кого-то другого их отсутствие означало бы верный признак счастья, но в случае Каталины это служило признаком морального обледенения.

Тот день, когда ее льды начнут таять, Карт занесет в список лучших.

— Я верну его, — прошептал Диас и поцеловал холодные губы. — Обещаю.

Глубоко вдохнув и выдохнув, Кэти посмотрела на него из-под пушистых ресниц и проговорила черствым тоном:

— Из моей жизни исчез каждый, кто давал обещания. Не будь одним из них.

«Точка». После угона.

Ангус и Серхио обтягивали бензобаки украденных байков виниловой цветной пленкой, а Картер широким шагом пересек небольшой ангар и подошел к Хорхе, их бессменному айтишнику, клацающему по кнопкам клавиатуры. Этому умнику недавно исполнилось восемнадцать, а он уже изобрел собственную троянскую программу «Black Orchid12¹²», назвав ее в честь Каталины.

Однажды она щеголяла в купальнике возле бассейна на вилле Диаса и засветила перед всеми тату в виде черной орхидеи, украшающей позвоночник. Кэти предпочитала не объяснять значение этого рисунка. Лишь вскользь обронила, что это редкий сорт орхидеи, который легко повредить и сложно найти. Что бы это ни значило, Картеру нравилось, как дико, изящно и зловеще смотрелся цветок на смуглой коже Каталины.

— Все готово? — спросил Карт, взглянув на экран компьютера с мелькающими кодами.

Хорхе поправил очки за дужку и с восхищением мотнул кудрявой головой:

— Почти. Тут охренеть какая нафаршированная электроника! Я в восторге! GPS-модули я отрубил сразу. Пальчики отключил на трех. Четвертый скоро будет. На кого программировать будем? Кто поедет?

— Я, Ангус, Серхио и...

— Я, — раздалось за спиной Диаса.

Помрачнев, он выпрямился и медленно обернулся. Несмотря на паршивость ситуации, ему захотелось улыбнуться при виде своей Пантеры. Как всегда, во всем черном. А ее вид в спортивном комбинезоне, облегающем подтянутую фигуру, побуждал к единственному порыву: не вытолкать из «Точки» в направлении виллы, а затащить в подсобку.

Каталина заплетала из высокого хвоста косу, разделяя пряди волос острыми ногтями, и сверлила Картера беспрекословным взглядом.

Он уже знал, что не будет возражать. Не только из-за этого командирского выражения лица и не только из-за того, что речь шла о ее брате. Каталина – неотъемлемая часть их «братства», и Диас предпочитал взращивать в ней силу и дерзость, а не слабость, которая, в его понимании, была главной причиной уязвимости. Картер не мог всегда быть рядом физически и верил, что закаленный характер поможет Кэти справиться самостоятельно с любыми трудностями. Он поклялся защищать Каталину, а не оберегать. Картер видел в этих двух понятиях абсолютно разную суть. Оберегать – это переносить на руках через каждое препятствие и в

¹² В переводе с английского «черная орхидея».

результате лишать возможности учиться ходить. Защищать – это преодолевать препятствие первым и ловить ее с другой стороны. Быть опорой.

Сейчас перед ним стояла волевая девушка, и он гордился их общим достижением.

Диас подтянул молнию на ее комбинезоне повыше, чтобы поберечь зрение Хорхе, а заодно и шею, которую он вот-вот вывихнет.

— Мы повезем байки в арендованных фургонах, — предупредил Картер, зная, что Кэти не отказалась бы прокатиться на одном из угнанных мотоциклов.

Заказ для Дюрана имел мало общего с любым из предыдущих. Они не станут рассекать на мотоциклах, объявленных в розыск в радиусе тысячи километров. Им важно действовать максимально осторожно – для начала по плану А. Карт рассчитывал, что им все и закончится, но страховка еще никому не вредила. В их банде существовал своеобразный рейтинг планов в порядке убывания надежности. Если «А» не сработает, нужно будет пересесть на байк, закрепленный внутри фургона на быстросъемных фиксаторах. Установка передним колесом к выходу позволит быстро покинуть грузовик и выехать на дорогу. Правда, в таком случае подпортится товарный вид груза, но иногда это обоснованный риск.

Покончив с косой, Каталина откинула ее за спину и помахала брелоком перед лицом Картера:

— Знаю. Я уже выбрала Sprinter. — Развернувшись, она бодро пошла к Ангусу, занятому протиркой корпуса подготовленного мотоцикла.

Серхио крутился рядом и примерял на бриллиант декоративную пластиковую кнопку. В остальном замаскировать байки оказалось непосильной задачей, тем более в такой срок (если несколько часов можно назвать сроком). Ублюдок Сэм дал день на подготовку, и у них не осталось другого выхода, кроме как увезти мотоциклы буквально из-под носа сотрудников мотосалона.

Сама кража не представляла сложности для Картера и его лучших друзей, которые героически последовали за ним в Швейцарию больше трех лет назад. Проблема была в том, какая это кража. Им светило несколько статей, начиная от подделки документов, угона грузовика, хищения в особо крупных размерах и заканчивая сговором организованной группы. По этому острию они ходили с юности, но Картер привык действовать по собственной отлаженной схеме. Под контролем Дюрана у него не было никаких гарантий, – по этой причине он не взял с собой Каталину на дело, как бы она ни рвалась вместо их друга Дино Паласио.

Одно дело – угонять байки мажоров, припаркованные на улице, и сплавлять их по своим каналам сбыта, и другое – грабить мотосалон с «нулевыми» кастомными мотоциклами, с которых не спускает глаз пресса.

Смелее этой аферы только фаер-шоу возле цистерны с бензином.

Глава 5 Погоня

Каталина

— Привет, тигр, — поздоровавшись с байком, бережно прохожусь кончиками пальцев по приборной панели, фиксируя в памяти расположение всех индикаторов. Почти как на моем Ducati Superleggera, только с некоторыми дополнениями и вариациями. — Кто владелец? — выпрашиваю у подошедшего Картера.

— Американец, — на этом слове моя ладонь непроизвольно останавливает свое путешествие, а вдох получается сделать с кратковременной задержкой. — Сын бывшего кандидата в Конгресс, бизнесмен. В общем, ничего особенного. Типичный папенькин сын, — заканчивает Карт.

Подавив неуместную вспышку из прошлого, сажусь верхом на мотоцикл и обхватываю грипсы, знакомясь со зверем, который будет незаслуженно отдан мафиози. Мне нравится этот ни с чем не сравнимый контакт тела с новой, еще хрустящей кожей и металлом, но сейчас не удастся насладиться им в полной мере из-за повода, объединившего нас на этот раз: Мануэль. Мой в последнее время неуправляемый, но самый любимый брат-подросток. В груди сильно болит и жжет. Будто кусок железа, пересаженный вместо души, начал плавиться и расширяться, раздвигая ребра.

Картер противился тому, чтобы на моих руках осела чужая кровь, и однажды я уступила, хоть и знала, что это временная пауза, необходимая для наращивания и внутренней, и внешней силы. Но, если с Мануэлем что-то произойдет, все обещания будут аннулированы.

Я больше не та слабачка. Рука не дрогнет, как в тот проклятый вечер, а разум не заблокируется трусостью, страхом или состоянием аффекта. Момент возмездия проигрывался в мыслях такое бесчисленное множество раз, что постепенно стал моей частью. Я с нетерпением жду ее материального претворения в жизнь.

После погрузки байков в четыре разных фургона мы покидаем «Точку», договорившись добираться разными дорогами в целях безопасности. С помощью телефонной гарнитуры мы можем переговариваться между собой на протяжении всего пути. В ангаре остались трое: Хорхе, следящий за загруженностью дорог по городским камерам, Дино и Бенджи – наши чудотехники, способные с закрытыми глазами устранять неисправности в мотоциклах и автомобилях.

Все друзья Картера будто проходили строгий отбор по принципу «Жизнь победила, но не добила». Ничего удивительного, что они стали теми, кто есть, и я не осуждаю их образ жизни. Сама к ним охотно примкнула. С тех пор, как из меня испарилась вера в силу закона, желание ему противостоять сделалось одной из движущих сил наравне с мстостью. Но для развития любой силы, как известно, требуются усердные и кропотливые тренировки. Мне пришлось многому научиться, в том числе водить авто. Благодаря этому я сейчас и рулю по дороге, соединяющей Цюрих и Баден, где находится особняк чертового Дюрана.

За нерадостными рассуждениями не сразу замечаю патрульную машину характерного желто-синего цвета, припаркованную на обочине впереди. *На моей полосе.*

Поерзав на сиденье, сохраняю прежнюю манеру вождения, а в уме сравниваю скорости их Audi с моим Mercedes Sprinter, готовясь к возможному преследованию. О плохом думать не хочется, но жизнь научила просчитывать шаги наперед. Так проигрыши воспринимаются куда легче, а выигрыши доставляют еще большую радость.

На протяжении оставшейся сотни метров до полиции не отрываю глаз от дороги, но щеки горят под грузом чужого пристального внимания. Если бы я была на байке, чувствовала бы себя в разы увереннее, а так на виду у полицейских кажется, что фургон стал прозрачным, выставляя на всеобщее обозрение его ценное содержимое.

При виде жезла, направленного в мою сторону, вспоминаю ругательства сразу на нескольких языках, но продолжаю убеждать себя, что все обойдется. По-другому быть не может.

Сворачиваю на обочину, объезжая тачку с проблесковыми маячками, чтобы быть впереди, и докладываю Картеру об остановке. Он просит сохранять спокойствие и действовать по плану, а я уже опускаю стекло перед высокой фигурой офицера полиции. Дождавшись его формального приветствия и пропустив имя мимо ушей, здороваюсь в ответ:

— Здравствуйте, офицер. Я что-то нарушила? — любезничаю с дежурной улыбкой на швейцарском немецком, доведенном за годы домашней тюрьмы до совершенства. Эмма гордилась бы мной.

Отреагировав на улыбку тотальным безразличием, симпатичный патрульный лет двадцати восьми пробегается придиричивым взглядом по боковой стороне кузова.

— Предъявите права и документы на транспортное средство.

Законопослушно достаю из сумки пластиковую карточку с договором аренды и передаю через окно, свесив локти так, чтобы пробудить интерес к выставленному наружу декольте. Я предусмотрительно расстегнула то, что заботливо застегнул Картер, но на офицере с эмодзи «Истукан»¹³ вместо головы мои методы обольщения не срабатывают. Или чересчур порядочный и добросовестный, или его не интересуют женщины.

— Как вас зовут? — допрашивает он, хотя вряд ли не умеет читать.

Называюсь именем, ставшим официальным после моего «воскрешения»:

— Катарина Мюнстер.

— Место рождения.

— Цюрих.

— Куда направляетесь?

— К подруге, — на каждый вопрос отвечаю вежливо, а надерзить хочется, как никогда. Я спешу за братом, черт возьми! Мне не до анкетирования.

Смягченный взгляд парня скользит в вырез комбинезона и возвращается обратно к моему лицу. Я же, соблазнительно облизнув губы, киваю на свои документы в его ладонях, намекая на точку в расспросах. Но этот «Истукан» произносит страшное:

— Что внутри фургона?

Мои губы раздвигаются в обольстительной улыбке:

— Мотоцикл.

Полицейский приподнимает козырек фуражки, стирая пот со лба ребром ладони, и подсыпает мне новый докучливый вопрос:

— Почему вы едете не на нем? Он неисправен?

— Наоборот! Он новенький и красенький, — продолжаю строить из себя глупышку и, мечтательно возведя глаза к небу, обмахиваюсь ладонями: — Подруга устраивает сегодня мотовечеринку, а мне так захотелось похвалиться своим приобретением, что не решилась пачкать его по дороге. Девочки – такие девочки, понимаете?

— Документы на мотоцикл у вас есть? — донимает непрошибаемый патрульный.

— А как же! — Вытаскиваю фальшивый паспорт на байк и протягиваю его через окно.

Офицер тщательно перечитывает сведения, сфабрикованные умельцем Хорхе, но довольным не выглядит. Скорее настороженным. Между его бровей образовались две глубокие морщины, и это нехороший знак.

— Откройте грузовой отсек, будьте добры.

— Разве с документами что-то не в порядке? — искренне удивляюсь я.

— В порядке, но у нас приказ. Во Фрайбурге утром похитили новые мотоциклы. Слышали об этом?

¹³ Популярный эмодзи в мессенджерах, символизирующий каменное лицо.

Принимаю вид недалекой дурочки:

— Фрайбург... Это в Австрии? Нет, не слышала.

— Это город на юге Германии. В ста шестидесяти километрах отсюда.

— Ох... Должно быть, дело серьезное, раз подключилась доблестная швейцарская полиция.

— Мы близко к границе, деваться некуда, — дрогнувшие губы парня дарят надежду на то, что я заболтала его, но уже в следующую секунду он повторяет:

— Откройте отсек.

Несмотря на жару, у меня холодеет в ногах и руках. Не заглушив машину, нажимаю кнопку автоматического открытия боковой двери и смиренно выбираюсь наружу. В фургоне имеются еще и задние двери с откидным пандусом, но в данный момент отходить от руля далеко неразумно.

«Истукан» заглядывает внутрь, а затем выуживает из нагрудного кармана телефон и, несколько раз ткнув по нему пальцем, начинает шнырять глазами между экраном и мотоциклом. Туда-сюда, туда-сюда... Какого черта он тянет? Байк выглядит так, что не подкопаешься. И он тут один, без своих трех собратьев.

Посмотрев на напарника, сидящего в Audi, полицейский подает ему условный знак пальцами и залезает внутрь отсека. Он молчаливо изучает наружные элементы и не прикасается к ним, наверное, остерегаясь оставлять отпечатки. Слежу за его осмотром, поставив ладони на пояс. Секунды идут, а вместе с ними уходит и мое терпение.

— Что это? — Дотошный офицеришка показывает на кнопку, закрывающую бриллиант, и я непринужденно развожу руками.

— Я еще не до конца разобралась с функциями.

Напоследок окинув подозрительным взглядом колеса и раму, парень сходит на землю и пронизывает меня строгим выражением:

— Мне жаль сообщать об этом, но вечеринку придется пропустить. Вам необходимо проехать с нами для более детального разбирательства.

— С какой стати? — возмущаюсь я.

— Я сравнил в программе фото вашего мотоцикла со всеми угнанными, и она нашла совпадение с одним из них на девяносто процентов.

— Вы шутите? Он мой! Документы вам ни о чем не говорят? Да почти все мотоциклы на одно лицо!

— Я бы поспорил. — Посуровевший полицейский тянется за рацией, прицепленной к поясу, а в моей голове писком взрываются сигналы тревоги.

Перед каждым делом мы с парнями прорабатываем разные повороты событий, и Картер учил, как действовать в случаях задержания. Если честно, я надеялась никогда не оказываться в таких ситуациях, поскольку выход из них один: драть когти.

Когти у меня теперь имелись.

Не колеблясь ни секунды дольше, бью офицера в нос основанием ладони, и тот ожидаемо отшатывается, взметнув руку к лицу. Вырываю у него свои документы, со всей силы пинаю в живот и срываюсь к водительскому месту. Закрывшись в салоне, ударяю по кнопке боковой двери и решительно трогаюсь с места, замечая в зеркале второго полицейского, подбежавшего к первому на выручку. За фургоном поднимается облако пыли и мелких камней, скрывая сотрудников полиции из поля зрения. Но это ненадолго, само собой.

Больше нет смысла соблюдать скоростной режим, поэтому ускоряюсь, насколько позволяет дорожный трафик и мощность фургона. Сердце колотится навывлет, и обычно мне нравится эта реакция организма на опасность. Она заводит и напоминает о том, что я способна испытывать яркие эмоции. Но сейчас на кону мой брат, и это мешает трезво мыслить.

Пристегнув ремень, поправляю гарнитуру на ухе и прочищаю горло, думая, какую фразу подобрать вместо: «Я в полной жопе». Ни одна не видится более подходящей.

— Кэти? — в ухе звучит собранный голос Картера.

Язык с трудом шевелится от сухости во рту, но отвечаю как есть:

— За мной погоня.

Раздаются чертыхания остальных парней, и укол вины дырявит насквозь, выпуская на волю угрызения совести. Друзья Картера влезли в это дело ради Мануэля, а я подвела и брата, и их. Что сделает Дюран, если не получит все четыре мотоцикла?

Слушая, как Карт приказывает Серхио и Ангусу ждать в условленном месте Бадена, обгоняю редкие машины, без конца поглядывая в зеркало заднего вида.

— Переходи к плану Б. Я выехал тебе навстречу, — напутствует Диас без колебаний.

Поблизости не видно ни одного участка, где можно осуществить этот чертов план. Полиция дышит в спину и вряд ли сделает перекур, чтобы позволить мне смыться.

Впихиваю документы себе за пазуху и застегиваю комбинезон до самого верха. До поворота к ближайшему населенному пункту на пути в Баден меньше пяти километров, и я нацеливаюсь туда, сообщив об этом Картеру.

Неясно, за какие заслуги модель фургона называли «Sprinter», но его максимума в сто тридцать километров в час явно недостаточно, чтобы тягаться с легковой машиной.

Сделав несколько глотков воды из маленькой бутылки, отбрасываю ее в сторону, не заботясь о ее отсутствии на ней крышки, и прислушиваюсь к уверенному голосу Картера:

— Тридцать секунд на остановку и отстегивание фиксаторов мотоцикла. Пять — на открытие задних дверей и откидывание пандуса. Еще пять — на то, чтобы завести байк. Всего — сорок. Ты справишься. Я буду ждать тебя в своем фургоне на первом городском перекрестке.

Проверяю в зеркале преследующую машину. Между нами чуть больше километра, плюс-минус. С математикой мы никогда не были лучшими подругами, но и на глазок понятно, что они меня нагонят меньше чем за минуту. Если прибавить встречные и попутные машины, замедляющие скорость, то времени в обрез. Это самоубийство.

— Картер... — отсекаюсь, так как озвучивать просьбу нет нужды. Если меня схватят, Карт из кожи вон вылезет, но спасет Мануэля и позаботится о нем. Диас ни разу не подвел меня. Если понадобится, он и четвертый мотоцикл добудет. Угонит у другого покупателя, например...

— Кэти, у этого байка разгон до ста за две секунды. Сядь на него и сделай то, что у тебя отлично получается.

— У меня отлично получается все портить, — признаю я с прискорбием.

— Патруль мог попасться любому из нас. Ты тут ни при чем.

— Карт, если меня схватят...

— Я тебя выгашу, — перебивает Диас, нисколько не сомневаясь в сказанном, но от меня не укрылось, что он не стал уверять в обратном. Вероятность поимки высока.

На ходу открываю боковую дверь, чтобы сэкономить время, и на свободном участке дороги делаю разворот на противоположную полосу. Практически влетаю в грузовой отсек и отщелкиваю два фиксатора по бокам мотоцикла. Если секунды идут в такт с моим частым дыханием, то прошло не меньше ста.

Пронзительные сирены совсем близко.

С грохотом откидываю пандус и, запрыгнув на мотоцикл, прикладываю палец к считывателю. Но завести это дорожное произведение искусства не успеваю. С воплем: «Стоять!» передо мной материализуются четверо полицейских, направляющих на меня пистолеты.

Замираю, хотя на миг проскочила мысль рвануть на байке прямо через эту «живую изгородь», но я пока не убийца, а безобидная угонщица. Почти безобидная.

— Estoy atrapada¹⁴, — шепчу Картеру и ребятам по-испански и поднимаю руки вверх, чтобы отключить гарнитуру на ухе и сдаться стражам порядка.

Один из них требует медленно покинуть фургон, а в мою голову просачивается нелепая мысль о том, что бегаю я отвратительно, раз попалась.

Как только окажусь на свободе, обязательно усилю тренировки.

¹⁴ В переводе с испанского: «Я в ловушке».

Глава 6 Взрыв из прошлого

Цюрих, Швейцария

Каталина

— Вы не видите, что она лжет? — «Истукан», которого, как выяснилось, зовут Стефан, битых три часа пытается достучаться до полусонного капитана Мюллера. По моим ощущениям, тот мечтает о кружке пива и диване, а не о ночном дежурстве.

Стефан оказался чрезвычайно исполнительным и ответственным лейтенантом полиции. Больше ничем не объяснить то, что вместо отъезда домой после окончания рабочего дня он предпочел остаться в участке, доказывая с пеной у рта, что не домогался до меня.

Я заявила именно это, когда объясняла, почему его ударила и слиняла на фургоне. Якобы у меня детская травма, связанная с боязнью сексуально настроенных мужчин. Все, что касается остального, комментировать не стала, так как внезапно забыла немецкий, испанский, английский и в целом утратила навык говорения, перед этим потребовав адвоката. Судя по их обсуждениям, они считают меня идиоткой, значит, я справилась с поставленной задачей.

Как ни удивительно, чувствую себя спокойной, будто решение моей проблемы уже на подходе. Только бы интуиция меня не обманывала!

— Кроме оскорбления сотрудника полиции, ей пока предъявить нечего, — отвечает капитан с зевком, переписывая данные моих документов в блокнот. — И у нее на руках все бумаги, Стеф. Мы вызвали представителя «KingDom». Вот он и подтвердит, правду она говорит или нет.

— Зачем кого-то ждать? — не унимается парень и, поймав мой пристальный насмешливый взгляд, с отвращением отворачивается. — Позвольте доказать, что это один из тех похищенных мотоциклов! На корпусе нет эмблемы, следовательно, ее закрасили или перетянули пленкой! Пока мы ждем, оставшиеся три успеют сплавить!

Приложила я Стефана неслабо. Торчащие из ноздрей ватные тампоны делают его похожим на буйного моржа. Сам виноват, что такой принципиальный. Отпустил бы меня с миром, и я бы уже обнимала брата, а офицер сохранил носовую перегородку в целости и проводил ночь более приятным образом. Но ему, видимо, катастрофически нужно повышение за задержание особо опасной преступницы.

Фактически так и есть, но у данного преступления очень благородная миссия: спасение человеческой жизни. Мануэль для меня дороже всех мотоциклов мира, даже если в каждый инкрустируют «Сердце океана¹⁵», выброшенное Роуз из «Титаника».

— Не имеем права, — отклоняет его предложение Мюллер. — Это дело в ведомстве немецкой полиции. Мы – транзитный пункт. И не забывай, если повредишь чужой мотоцикл, расплачиваться будешь из своего кармана. Ты разве выплатил ипотеку?

Ах, вот оно что... Теперь все встало на свои места. Ипотечное рабство – несомненный стимул для карьеристов. Но мне все равно не жаль Стефана. Единственный, кого мне сейчас жаль, это Мануэль. Надеюсь, его не морят голодом? Хотя такой непокорный гордец, как он, скорее откусит себе бровь, чем примет что-либо из рук врага. Ему четырнадцать, и с его подростковыми закидонами сложно совладать даже мне, не то что посторонним. Во время ссор с Мэнни зачастую хочется побиться головой об стену, – настолько невыносимо с ним пререкаться. Брата невозможно переспорить: или прав он, или никто.

¹⁵ «Сердце океана» – это легендарное вымышленное кольцо из фильма «Титаник» (1997), ставшее одним из самых узнаваемых ювелирных украшений в истории кино.

Но сейчас я готова смириться с незаживающими синяками, вывихами и ушибами из-за его увлечения велотриалом¹⁶, отпускать с ночевками к друзьям и закрывать глаза на то, что он таскает у Картера сигареты. Пусть делает что угодно в разумных пределах, лишь бы был неподалеку. Живой и здоровый. На свободе.

Обращаю взгляд на наручники и про себя прошу прощения у мамы и Эммы за то, что плохо справляюсь и не в состоянии дать брату ту любовь, которой он лишился. С отцом в своих мысленных разговорах я не общаюсь. Никогда не смогу его простить. *И не только его.*

За часы сидения в комнате для задержанных у меня онемели мышцы задницы от неудобного металлического стула, и, когда Мюллер куда-то отлучается, решаю немного побесить Стефана, чтобы он тоже нарисовал сквозняк и оставил меня одну. Хочу примериться к решетке на открытом настежь окне. Вдруг просочусь? Я, конечно, не тощая, но гибкость все еще при мне.

Монотонно двигая бедрами влево-вправо, шатаю стул. Его кривые ножки стучат о потертый паркет, а я со скучающим видом глазею на фонарь за окном, словно меня вовсе не беспокоит этот раздражающий нудный стук, которым вполне можно устраивать пытки, как с капающей водой.

Минут через пять Стефан не выдерживает. Слышу скрежет его сдвинутого стула, а затем тяжелые шаги. Наблюдаю боковым зрением, как он обходит длинный стол и встает передо мной, шумно дыша ртом из-за заткнутого носа. Мой взгляд лениво уплывает от окна и останавливается на парне с немимым вопросом: «Что надо?»

Его квадратная челюсть стала еще квадратнее от злости, а лицо покраснело от духоты в комнате без кондиционера. Мне и самой ужасно жарко. Спасает только одежда из специального впитывающего материала.

— Мы оба знаем, что я прав, — гундосит он. — И мы оба знаем, что ты прекрасно понимаешь язык. Одного не пойму, чего ты добиваешься? Сейчас придет человек, который все подтвердит, и ты надолго сядешь за решетку!

Сколько сейчас времени? Час? Два ночи? Ему не пора баиньки?

Вместо ответа театрально зеваю, невоспитанно раскрывая рот, и реакция не заставляет себя ждать. Стефан наклоняется впрытик ко мне и грубо вцепляется в мои плечи. А вот это уже лишнее.

— Ты... — Он встряхивает так, словно от этого действия из меня посыплется правда. — Признайся. Признайся, кому сказал!

Я знаю, что по закону виновна, но этот неврастеник не имеет права так делать. Никто не имеет.

Погрязнув в собственной злости, Стефан не улавливает быстрое движение моих скованных рук, и в следующее мгновение отпатывается, со стоном закрывая пол-лица ладонью. Несмотря на наручники, я умудрилась выкрутить ему нос двумя пальцами. Ватные тампоны слегка смягчили последствия, но кровь закапала и через них.

Сверкнув взглядом, обещающим скорую расправу, он разворачивается и уматывает из комнаты, громко хлопнув дверью. Наверное, пошел жаловаться начальству.

Поднимаюсь на ноги и сразу двигаю к окну. Схватившись за прутья, пробую их раздвинуть, но цепь наручников не дает разгуляться. Максимум, чего я добиваюсь, это микровибрации решетки. Было наивно полагать, что она сделана из проволоки, но попытаться стоило.

Раз я все равно здесь, вдыхаю уличный воздух, посвежевший в ночное время, и прикрываю глаза. Думаю, Картер отследил мое местонахождение по изъятому у меня телефону, но ему стоит поспешить до приезда того представителя. Безусловно, я буду гнуть свою линию и ни за что не признаюсь в соучастии. Только это лишь увеличит срок.

¹⁶ Велотриал – это экстремальный вид велоспорта, заключающийся в преодолении серии искусственных или естественных препятствий (камни, бревна, бетонные блоки) без касания земли ногами, руками или частями велосипеда.

Позади раздается щелчок дверной ручки, и я нехотя поворачиваюсь лицом к вошедшему, ожидая увидеть Стефана или Мюллера, или даже самого Иисуса, но точно не человека из прошлого, которое я старательно забывала годами.

При виде Валенсии меня будто затягивает в сокрушительную воронку. Грудная клетка твердеет. Глаза пристывают к ее, расширяющимся с каждой долей секунды. А появление за ее спиной Доминика, такого возмужавшего, красивого, чужого... безжалостно прокручивает лезвие ножа, всаженного в мое сердце. Они и сюда приехали вместе. Как это мило.

Давнее воспоминание заставляет махом собрать волю в кулак и вернуть на лицо прежнюю задиристую маску. Дыхательная система возобновляет работу, а к разуму возвращается мыслительный навык, пусть и со скрипом. Какого черта Доминик и Валенсия тут забыли? Это и есть представители «KingDom»? Как это возможно?

— Кэти... — произносит Рэйвен беззвучно, одними губами, и, мягко отодвинув с дороги оцепеневшую Валенсию, устремляется напрямик ко мне.

Нет. Нет! Нет!!! Этого нельзя допустить.

В некогда родном взгляде отражается изумление и шок, и в какой-то степени я понимаю Доминика. Не каждый день увидишь оживший труп бывшей, но он не имеет права смотреть так, словно только что нашел Кольцо Всевластия¹⁷.

Он не имеет права смотреть так, словно любит до сих пор.

Не успеваю среагировать на его приближение, и в тот миг, когда мое тело оказывается в тесных объятиях, меня предает способность шевелиться и говорить. Могу лишь вдыхать запах чего-то экзотического и горького, впечатавшись носом в ямку под ключицей, и ощущать, как мощно расширяются и сжимаются его ребра. Раздавленные временем ощущения пытаются пробиться сквозь погребальную плиту, под которой зарыты мои чувства, но я приказываю себе очнуться.

Все прошлое погибло в тот момент, когда я своими глазами убедилась в том, что он отпустил меня.

И все изменилось, когда я тоже отпустила его, выбрав другой путь.

Если Доминик раскроет мою настоящую личность, поставит под угрозу нас всех. Прежде всего, мою новую семью и наши планы.

Не могу позволить себе ни малейшей слабости, поэтому делаю то, что должна: рывком отталкиваю от себя Доминика, как бы сложно это ни было сделать. Ни физически, ни морально.

— Да вы издеваетесь! — выкрикиваю я на немецком, испытывая уродливое наслаждение от потрясения, отпечатанного в его мимике. — Почему каждый в этом участке считает нужным ко мне пристать?

Быстро моргнув, Ник застывает.

— О! Язык вспомнила! — посмеивается где-то там Стефан. — Я же говорил!

— Вы знаете эту девушку? — обращается Мюллер к Рэйвену, а он не отводит от меня немигающего взгляда. Изучает лицо, тело, руки, ноги, затем возвращается назад по тому же маршруту.

В выражении его лица появляется ожесточенность, и он опять делает ко мне шаг, потянувшись к запястью. Пресекаю эту попытку выставленными перед собой руками и отшагиваю, упираясь поясницей в подоконник.

— Это ваш представитель? — насмехаюсь я, повернувшись к капитану. — Он меня с кем-то перепутал! Пусть не распускает руки, иначе я заявлю и на него тоже.

— Господин Рэйвен, присядьте. Так будет лучше, — убеждает Мюллер.

¹⁷ Кольцо Всевластия – в легендариуме Дж. Р. Р. Толкина «Властелин колец» главное кольцо, которое правит и повелевает другими Кольцами власти.

Валенсия отмирает и переводит Доминику и мои слова, и на всякий случай ломаную английскую речь полицейского. С шумом вдохнув, Рэйвен запускает пальцы в волосы и ненадолго прикрывает веки, словно собираясь с мыслями. А когда снова их открывает, даже на расстоянии вижу полопавшиеся сосуды в белках его глаз.

— Кэти, зачем ты врешь? Тебе угрожают? Тебя вынудили? У тебя, черт подери, амнезия? Это же я! — вспыхивает он, показывая на себя пальцами. — Доминик!

— Я не понимаю его, — продолжаю твердить на немецком, опускаясь обратно на свой стул.

— Ник, она говорит, что не понимает тебя, — талдычит потерянная Нельсон, коснувшись его плеча. Или у нее теперь фамилия Рэйвен? Один взгляд на ее безымянный палец, украшенный камнем размером с Юпитер, окончательно убивает зачатки тоски по прошлому.

— Чушь собачья! — не соглашается Доминик и возвращает взгляд к Мюллеру, который от развернувшейся сцены, кажется, забыл, для чего мы здесь собрались. — По пути сюда вы сказали, что она испанка!

Заметно нервничая и сбиваясь, Валенсия переводит его речь Мюллеру. Меня испугалась? Пусть не переживает. Мы видимся в последний раз.

Сегодня точно последний.

— Да... Но... Может, перейдем к делу, а потом разберемся, кто она?

— К какому, на хрен, делу? — Жесткий бас Рэйвена со слегка прокуренной хрипотцой будоражит волосы под одеждой. Вонзаю взгляд в стол, лишь бы не смотреть на Доминика. Сохранять образ дерзкой нахалки в таких условиях невыносимо.

— Вы не хотите посмотреть мотоцикл? — вставляет Стефан на корявом английском, наверное, не желая терять время на перевод. Испанский, немецкий, английский... — у нас тут прямо вавилонское столпотворение¹⁸. — Это разве не важ...

— Как ее зовут? — обрывает его Ник и без спроса выдергивает блокнот из рук Мюллера. Дергано переворачивает листы, наверняка не разбирая ни слова, но останавливается на какой-то записи и вновь переключается на меня:

— Катарина? Ты изменила всего одну букву в имени и пытаешься убедить, что это не ты? Что происходит, мать твою? — Он выбрасывает блокнот в воздух и перегибается через стол, ударяя по нему ладонями. — Чей труп мне подсунули под видом твоего тела? — *Доминик искал меня? Ему известно о подброшенном трупе?* — Где. Ты. Была?! — громкий яростный крик Ника разлетается по помещению сотнями острых звуков, а я по-прежнему буравлю взглядом металлическую поверхность, будто не слышу его. Я для него давно умерла. Так и должно оставаться.

— Довольно! Вы что здесь устроили? Я не потерплю нарушение порядка в участке!

Поднимаю глаза и вижу, как Мюллер пытается развернуть Доминика к выходу, схватив за плечи. У него не получается сдвинуть его ни на сантиметр. Мышцы на напряженных руках бугрятся от того, с какой силой ладони вдавливаются в столешницу. Мы встречаемся взглядами, и на этот раз я выдерживаю этот мучительный контакт. В черных зрачках, окруженных заворачивающей зеленью, клубятся сотни вопросов, но Рэйвен понимает, что ответов не получит. Резко оттолкнувшись от стола, он отмахивается от Мюллера, стреляет в меня последним взглядом-пулей и размашистым шагом убегает отсюда.

С его уходом осознаю, что во время нашей немой битвы я сидела, затаив дыхание. Полная неготовность к нашей встрече подкосила мою выносливость. Но подкосить — еще не значит разрушить. Я справлюсь. Тогда справилась, а сейчас тем более смогу.

¹⁸ Выражение восходит к библейской легенде о строительстве Вавилонской башни, когда Бог наказал строителей за гордыню, смешав их языки.

Валенсия извиняется за Ника и, не удостоив меня вниманием, отправляется следом за ним. Ничего не изменилось. Она – все такой же его хвост.

Вытираю рукавами взмокшие волосы на висках и откидываюсь на спинку стула, избегая злорадного взгляда оставшегося со мной Стефана.

Господи, Доминик работает в компании, у которой мы украли байки...

Когда-то самый любимый парень теперь в прямом смысле держит мою свободу в своих руках, и ко мне лишь сейчас приходит осознание катастрофичности всей ситуации.

Доминик

— Доминик... — боязливый шепот Валенсии дико выводит.

Мне нужно немного времени, чтобы все осознать. Чтобы понять, как действовать дальше. Вжав кулак в стену, упираюсь взглядом в тонкую трещину на покрытии, ползущую вниз по мере усиления нажима. Я должен успокоиться, но образ ледяной Каталины застыл перед глазами, напрочь выбивая из равновесия.

— Ник, скажи что-нибудь. Я беспокоюсь за твое состояние.

— Ленс, не хочу грубить, поэтому просто постой в сторонке, — выжимаю из себя целую фразу.

Разворачиваюсь спиной к стене и, наплевав на правила, достаю из кармана джинсов сигареты. Закуриваю прямо в коридоре участка и, прижавшись затылком к стене, выдыхаю терпкий дым вверх, ощущая себя только что выбравшимся из-под завалов.

Потрясение.

Неверие.

Мимолетная эйфория.

Недоумение.

Ярость.

Ярость.

Ярость.

Последняя эмоция настолько меня поглотила, что я вполне мог разнести чертов кабинет и втащить капитану полиции. Сделать что угодно, лишь бы Каталина прекратила лгать и подтвердила, что это она.

Я не выжил из ума. Это реальность. Та реальность, которую я видел только во снах.

И которая застала врасплох своим извращенным воплощением.

Кэти жива, но встретила меня охрененно. Так, как встречают все любящие люди после долгой разлуки: никак. Но пусть не рассчитывает на мою слепую веру в этот бред на немецком. То, что она отрастила волосы и выучила другой язык, еще не делает ее неузнаваемой.

Мне нужны ответы за каждый гребаный день, потраченный на ее поиски и проклятую борьбу с самим собой.

Мне нужно понять, ради чего и кого я шел к своим целям.

Мне нужно выяснить, как она здесь оказалась.

Последняя трезвая мысль напоминает, зачем я вообще сюда заявился.

— Вы в своем уме? — Непонятно откуда взявшийся Мюллер выдирает из моих пальцев сигарету и тушит ее о подошву своего ботинка. — Прямо над нами датчик дыма!

Не отреагировав на замечание капитана, сказанное на английском, спрашиваю более выдержанным тоном:

— Где задержали девушку?

— На границе с Германией. Под Баденом.

— Она была одна?

— Да. По ее словам, она перевозила мотоцикл на какую-то вечеринку.

— Первозила? — уточняю я, посчитав, что мужик подобрал неверное слово.

— Мотоцикл был в фургоне. В Mercedes Sprinter.

Спрятав ладони в карманах, снова обращаю взгляд к потолку с тусклыми светильниками и пытаюсь выстроить события в один связный ряд. Если Кэти действительно замешана в угоне, у нее есть сообщники, и она понятия не имела, кому принадлежат байки. Это логично, поскольку о скрытом статусе я позаботился сам.

На переднем плане маячат три главных вопроса: почему Каталина столько времени не давала о себе знать, кто помог ей скрыться и какого черта смотрит на меня так, будто я для нее незнакомец. Потерю памяти я исключил сразу, как только столкнулись наши взгляды: она прекрасно знала, кто перед ней. И ладно, если бы неадекватное поведение Кэти было актерской игрой перед полицейскими, но нет... Вечная мерзлота в карих глазах предназначалась персонально мне, и это убило более зверски, чем звонок детектива Пабло, поделивший мою жизнь на белое и черное. Видеть то, что я не существую для Каталины, – хуже удара в спину.

Чьи-то уверенные шаги сбоку отвлекают от дерьмовых мыслей, но стоит взглянуть на приближающегося к нам человека, – и я понимаю, что все самое дерьмовое еще впереди.

«Паука» по имени Картер Диас узнаю мгновенно. Как и он меня. Но, в отличие от него, мне не удастся так резво взять себя в руки и сделать вид, что не хочу загнать ему в глотку нож, которого при себе, к сожалению, нет.

У меня уходит несколько секунд на то, чтобы смекнуть что к чему: он здесь из-за Каталины. Это и есть живой ответ сразу на три главных вопроса. Все это время он знал правду. Он. Не я.

Хищная бандитская рожа Диаса с короткой бородой совсем не сочетается с черным деловым костюмом, который он на себя нацепил. Паук целенаправленно меня избегает, я же испепеляю его глаза в стоическом молчании. Но Диасу рано обольщаться на этот счет: мной движет только собственная выгода и желание вытрясти объяснения из той, что сидит в наручниках по ту сторону стены. Хотя с учетом ее поведения и открывшихся обстоятельств она вряд ли нуждается в моих жертвах.

Картер подходит к нам с Мюллером, предъявляет ему наверняка липовое удостоверение, разъясняя что-то на немецком, после чего тот ему кивает, и они вдвоем скрываются в помещении, откуда меня хотели вытолкать.

Прожигаю ненавидящим взглядом стену, словно могу сквозь слой кирпича лицезреть, как Каталина встречает своего друга объятиями. Или кто они теперь друг другу? Усмехаюсь без намека на веселье и, тряхнув головой, пытаюсь сбросить самое масштабное разочарование в своей жизни.

Ни черта не получается.

Валенсия послушно ждет в стороне и с тревогой следит за каждым моим движением. Жалеть себя не позволю никому, поэтому собираю всю волю в кулак и, оторвавшись от стены, направляюсь к ней:

— Ты слышала, что Паук сказал Мюллеру?

— Паук? — хмурится она и, не дождавшись моего пояснения, продолжает: — Он представился адвокатом Катарины, то есть... Каталины.

Мой несдержанный смех разлетается по пустому коридору.

Немыслимо. Адвокат? Разве что адвокат дьявола.

— Доминик, я ничего не понимаю. У тебя есть догадки? — беспокоится Нельсон.

Если бы она только представляла, какая война из догадок развернулась у меня в голове, не задавала бы этого вопроса.

— Мистер Рэйвен, — окликает второй полицейский, которому Каталина сломала нос. — Предлагаю пройти со мной на спецстоянку для опознания мотоцикла.

Вопрос с угоном как-то незаметно свалился в самый низ моих приоритетов. Чтобы не стоять под дверью в ожидании так называемого «адвоката» и его подопечной, мы с Валенсией отправляемся за офицером.

Парковка оборудована пунктом охраны и отлично освещается даже в это время суток. Свой мотоцикл узнаю сразу, несмотря на попытку угонщиков устроить ему тюнинг. Нужно признать, работа качественная с учетом сжатого времени, прошедшего от похищения до поимки. Они профессионалы.

— Он ваш? — неугомонный лейтенант вглядывается в мое лицо с нетерпеливым предвкушением.

— Нет.

— Нет? — изумляется парень.

— Нет. Отпускайте девушку.

— Господин Рэйвен, вы уве..

— Я похож на идиота, который сознательно откажется от своего мотоцикла?

По факту именно это я и делаю. Но мне без разницы, у кого забирать байк: у Каталины или у полиции. Это вопрос решенный. Зато Кэти, сидящая за решеткой, вряд ли подскажет, где остальные три. И, если быть честным до конца, вопрос с мотоциклами в данный момент не первоочередной.

С нескрываемым разочарованием полицейский возвращается в участок, чтобы осчастливить задержанную, а мы с Ленси остаемся ждать возле моего McLaren у шлагбаума парковки.

— Что ты задумал? Это же наш «алмаз», — шепчет Нельсон, поглядывая вокруг себя.

— Наш, — подтверждаю я. — Пока не знаю. Мне нужно подумать.

— Ты позволишь ей забрать мотоцикл?

— Исключено.

— Но как же... — Валенсия запинаясь, подыскивая слова. — Вам нужно поговорить. Вы же не можете просто так разойтись в разные стороны?

Ее вопрос подливает масла в огонь, разожженный внутри меня. Чтобы уйти в сторону, мне нужна причина более убедительная, чем поведение Каталины, разыгрывающей из себя швейцарку или немку, или саму Мату Хари¹⁹.

И эта причина сваливается на мою голову без задержки. Не проходит и минуты, как из участка выходит пара в сопровождении капитана. Каталина и Картер идут к нам, держась за руки, и с каждым их шагом в моем теле нарастает каменная тяжесть, растягивающая все кости до ломоты.

Через несколько метров что-то вынуждает их остановиться. Отсюда не слышен разговор, но Кэти сжимает воротник его пиджака и явно о чем-то просит, если не умоляет. Диас притягивает ее к себе и целует в губы.

Первая секунда... Камень, засевший во мне, резко холодеет.

Вторая секунда... Он трескается и раскалывается на части, распарывая острыми краями все внутренности.

Третья секунда... Становится легче. Внутренний холод избавляет от того адского пожара, не дававшего здраво мыслить. Наступает ясность. Говорят, человек, очнувшийся после клинической смерти, испытывает чувство отстраненности от своего тела. То же самое ощущаю сейчас я.

Эти двое, обсудив нечто важное, снова продолжают движение в нашу сторону, а я вспоминаю о тех своих чертах, которые помогали выдерживать ритм большого спорта: жажда

¹⁹ Мата Хари – самая знаменитая шпионка Первой мировой войны. Будучи известной танцовщицей, она была завербована французской военной разведкой.

победы, самоконтроль, способность быстро восстанавливаться и... не тушеваться перед соперниками.

Поворачиваюсь лицом к встревоженной Валенсии и напоминаю ее же просьбу:

— Ты говорила, что сделаешь для меня что угодно.

Ленси непонимающе сдвигает брови:

— На убийство не пойду, не проси.

— Не переживай, это удовольствие я возьму на себя, — злорадствую я, не уверенный, что говорю это не всерьез. — Просьба будет другого плана.

Глава 7 Сделка

Чуть ранее

Каталина

Закон позволяет адвокатам беседовать с подзащитной без свидетелей, поэтому, как только Мюллер оставляет нас наедине с Картером, с ходу выкладываю известие номер один, шепча на всякий случай на испанском:

— Не знаю, как это возможно, но мы украли байки у Доми...

— Обсудим это потом, — не дает договорить Картер, обхватывая мои сцепленные наручниками запястья. — Время поджимает.

— Что такое?

— Ангус и Серхио нас кинули.

Пару раз моргаю, вникая в каждый звук его фразы, но двойного смысла тут быть не может.

— Ты уверен?

— Слова: «Извини, Карт, но дальше мы сами по себе. Брат твоей девчонки — это твоя проблема, а не наша» могут означать что-то другое? — горько усмехнувшись, Картер непоколебимо встает со стула и, согнув ногу, вынимает из туфли миниатюрный пакетик.

Из-за присоединившейся паники нешуточная тревога после встречи с Домиником приобретает безразмерные масштабы. Сегодняшний день решил подвергнуть сразу нескольким испытаниям? Я больше не уверена, что мне хватит стойкости для еще одного.

Брат в плену.

Появление Доминика.

Предательство друзей.

Без мотоциклов Дюран не отпустит Мануэля.

— Что теперь делать? — мой голос предательски срывается, пока я наблюдаю за действиями Картера.

Он невозмутимо достает из пакетика желтоватую капсулу и протягивает мне. В глазах глубокого темно-карего цвета не прочесть ни единой мысли. Новость о поступке Ангуса и Серхио шокировала меня, но что сейчас испытывает Диас, искусно спрятавший боль за маской спокойствия?

Они были не просто друзьями. Он считал их братьями.

— Раскуси ее, — командует Карт. — Как только почувствуешь пену во рту, падай на пол и изображай судороги. Дино на машине скорой помощи ждет за углом.

У меня отвисает челюсть:

— Ты предлагаешь разыграть приступ эпилепсии?

— У тебя есть более оригинальное предложение?

Нерешительно мотаю головой и забираю капсулу.

— А мотоцикл?

— Кэти, давай решать проблемы по порядку. Клади ее в рот.

Выполнить это указание не успеваю. Дверь распахивается, и в помещение, не сбавляя шага, входит Мюллер. Жажимаю капсулу в кулаке, надеясь, что смогу разжевать ее чуть позже.

— Мы еще не закончили, — отчитывает его Картер, убедительно отыгрывающий роль влиятельного правозащитника.

Капитан приземляет нас обоих:

— Это уже не пригодится. Представитель «KingDom» осмотрел мотоцикл.

Пульс подскакивает от осознания того, что меня теперь арестуют по-настоящему. Посадят в камеру до суда. Боже...

— Приносим извинения за задержку, — ошарашивает меня приблизившийся Мюллер. — Но штраф за неповиновение законному требованию сотрудника полиции все же выпишем.

Я готовилась к чему-то в духе «Вы имеете право хранить молчание...», но точно не к тому, что через секунду наручники раскроются, и мои руки окажутся на воле. Если меня отпускают, то, выходит, Доминик сказал, что это не его мотоцикл? Почему он пошел на обман?

Картер решает бюрократические вопросы с полицейскими, а я отворачиваюсь к окну, изучая густую темноту, куда почти не проникают огни ночного города из-за ряда высоких густо посаженных тополей. Шелест листьев нашептывает что-то неопределенное. Ровно так теперь можно охарактеризовать мою жизнь.

Перед выходом из здания Диас переплетает наши пальцы, но я не испытываю облегчения, даже когда в меня проникает глоток свободы. Радости нет. Есть только щемящее чувство, ни в какую не покидающее мой организм. Размышления о Доминике выдвигаются на первый план, ведь именно его я вижу шагах в сорока от нас возле парковки. Он неотрывно следит за нами, опершись на серебристый спортивный автомобиль. Валенсия рядом, где же еще. Не знаю, о чем Рэйвен думает, но уверена, что вопросы с его стороны неизбежны. Это пугает сильнее всего.

Ноги еле передвигаются, наверное, от длительного сидения на допросе, и, не сделав и пяти шагов, я торможу Картера, с трудом собирая мысли воедино.

— Я не знаю, что сказать Доминику. Он не должен знать, как...

Картер отцепляет мои пальцы от лацканов своего пиджака. Я и не заметила, как в них вцепилась. Нику ни к чему сообщать о моем состоянии в первые полтора года. Это последний человек во всех существующих мирах, на кого я бы решилась навестить свой груз за то, что меня не стали ждать. Время упущено для нас обоих. Единственная причина, которую я никогда не смогу понять, отирается сейчас возле него. Кто угодно, но не она. Валенсия – живое подтверждение того, что наши с Домиником отношения не прошли бы испытаний временем, даже если бы со мной все было в порядке.

Стоило мне «умереть», как Рэйвен снова переметнулся к бывшей, на которую, по его словам, он «не смотрел». Каков срок годности у его слов? Несколько месяцев?

— Чего ты боишься прямо сейчас? — Диас с беспокойством обхватывает мое лицо шершавыми ладонями, загруbevшими от частой езды без перчаток. — Ответь, не думая.

— Боюсь за Мануэля, — бормочу чуть слышно и мысленно прошу прощения сразу у двух близких мне людей.

У Мануэля – за то, что он был не первой моей мыслью на вопросе Картера, а одной из.

И у Картера – за ложь.

Находиться рядом с Домиником, обмениваться с ним общим воздухом, говорить друг с другом, – ощущается как приближение к высокому обрыву. *Внезапно я начала бояться падения с высоты.* Таким был бы мой правдивый ответ, но Картер о нем не узнает. Доминик исчезнет из моей жизни, и вместе с ним пропадет пропасть перед ногами, прямо как после пробуждения ото сна.

— Я рядом. Ничего не бойся. Можешь вообще с ним не разговаривать. Это сделаю я, — вкрадчивое обещание Карта ничуть не успокаивает волнение, охватившее живот, и на пару секунд я прикрываю глаза, чтобы вновь нарастить железную броню.

Прохладные мужские губы напористо прижимаются к моим. Щетина вокруг них слегка царапает кожу, и в первые мгновения чувствую себя так, словно забыла технику поцелуя. Неожиданно робко для себя отвечаю на порыв Картера, понимая, что отказ был бы истолкован неверно. Мы вместе, и это не изменится.

Наш интимный контакт не длится долго. Карт отстраняется первым, берет за руку, и, больше не глядя в мои глаза, твердой походкой устремляется к ожидающей нас парочке.

Доминик стоит, по-прежнему прислонившись к спорткару, только со скрещенными на груди руками. Упрашиваю себя не дрейфить. Никакого взгляда в пол, никаких бегающих глаз, — ни единая мышца на лице не должна выдать моей нервозности.

Ожесточенной мимикой Рэйвена можно высекать искры из камней, и я даже рада исходящей от него жесткости. Это моментально мобилизует и меня, вынуждая вспомнить о том, что моей вины в нашем расставании нет (если вдруг ему придет в голову обвинять в этом). С другой стороны, почему я опасаюсь этих обвинений? При Валенсии и Картере он не станет выяснять такие вещи. Наверняка судьба украденных мотоциклов его волнует больше моего «воскрешения».

Да, мы были влюблены друг в друга, и я не сомневаюсь, что Доминик сильно переживал некоторое время, поэтому так отреагировал, увидев меня сегодня живой. Иначе и быть не могло: он хороший человек с огромным сердцем.

С сердцем, никогда не принадлежавшим мне по-настоящему.

А теперь нам необходимо решить насущные проблемы и мирно разойтись. Боже мой, о чем я? Мы украли у его фирмы ценный товар, которого у нас больше нет. О каком мирном решении речь?

Валенсия мнетя, потирая плечи ладонями, и избегает пересечения наших взглядов. Не могу не отметить, как она хороша. Новый более светлый цвет волос, те же кукольные невинные глаза, та же модельная стройность, подчеркнутая узкими брюками со стрелками и шифоновым розовым топом без рукавов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.